
НЕКРАСОВ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФИЛАНТРОПЫ

(К истории стихотворения «Филантроп»)

Стихотворение «Филантроп» не привлекало до сих пор специального внимания исследователей Некрасова. Между тем оно имеет большое, можно сказать этапное значение в идейно-художественной эволюции Некрасова. Цель предлагаемой статьи — доказать это и определить основную направленность и идейный смысл стихотворения. «Филантроп» написан в 1853 году, в самую глухую пору николаевского царствования, в эпоху максимального цензурного гнета и полицейского террора. В эту эпоху сатирическая струя в творчестве Некрасова как будто совсем заглохла. Не будем уж говорить о том, что Некрасов за восемь лет — с 1848 по 1855 год — не опубликовал ни одного сатирического стихотворения; это не требует объяснений. Но он почти и не писал сатирических произведений в это время.

Припомним, какое количество зрелых и значительных сатир было создано Некрасовым за четыре года, предшествовавших «эпохе цензурного террора». С 1844 по 1847 год Некрасов написал стихотворения «Чиновник», «Новости», «Послание к другу (из-за границы)», «Колыбельная песня», «Современная ода», «Отрадно видеть, что находит...», «Женщина, каких много», «Псовая охота», «Нравственный человек». И вот за этими четырьмя годами следуют четыре года, в которые Некрасов, угнетенный и подавленный реакцией, совсем отходит от сатирического творчества.

Но следует подчеркнуть, что в последние три-четыре года «лихого семилетия» Некрасов переживает новый идейно-творческий подъем, укрепляется в сознании своего особого пути («Муза», «Блажен незлобивый поэт...») и возвращается к сатире. В 1852 году Некрасов пишет большое сатирическое стихотворение «Пре-

красная партия», а в 1853 году создает две сатиры — «Филантроп» и «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», свидетельствующие о том, что он не только не свернул с пути, по которому шел в эпоху Белинского, но и сделал дальнейшие шаги на этом пути, вступил в новую фазу развития своего мировоззрения.

1

В центре стихотворения «Филантроп» — образ «благодотворителя», титулованного, сановного, придворного и в то же время «славного любовью к добру», гуманизмом, сочувствием к бедным людям. Стихотворение разоблачает демократичного аристократа. Этот филантроп, наверное, ласков с теми бедняками, которые выказывают ему чувства почтительной и умиленной благодарности; но одно лишь подозрение, что проситель посмел явиться к нему в нетрезвом виде, как рукой снимает всю его прославленную кротость и уподобляет его любому «значительному лицу»: страшно затопав ногами, он приказывает «двум огромным гайдукам» выпроводить из дому вульгарного посетителя, оскорбившего в нем высокое чувство христианской любви к ближнему.

Ряд мотивов усиливает разоблачительную действенность этого сюжета.

Прежде всего — посетитель вовсе не пьян.

Он не мог ничего объяснить, а потом зарыдал от нахлынувших чувств, от жалости к себе, от смущения перед прославленным благодотворителем, от сознания значительности этой встречи с человеком, образ которого долго укреплял его нравственные силы и врачевал раны его души.

При этом позорно изгнанным, жестоко оскорбленным оказался именно такой человек, который особенно заслуживал поддержки и помощи, — человек безукоризненной честности, моральной чистоты и стойкости. Провинциальный чиновник на «доходном месте», он «даже с правого не брал», мужественно переносил бедность. Он поступал так по органическому отвращению к пороку, к бесчестности, — отнюдь не под влиянием каких-либо «вредных идей»; он недостаточно развит для того, чтобы подвергнуться их воздействию; принцип своего поведения он формулирует словами, далекими от прогрессивных взглядов: «знал, что значит бог и царь». Нежелание участвовать в круговой поруке взяточни-

ков вызвало неприязнь к нему; в его работе выискивали «упущения», «подвели» и выгнали со службы. Но — полунищий, попрекаемый женой, слыша голодный плач своих детей, — он твердо переносит беду, «каждый день встает ранехонько, достает насущный хлеб». «Голод, холод, одиночество» не могут его сломить.

Острота сюжета стихотворения — в том, что именно прием у «благотворителя» приводит к трагической развязке. Маленький человек, которого не сломили десять лет тяжелой нужды, обид и горя, теперь морально раздавлен. В нем убита вера в человека, в добро и правду. Он называет былую честность «глупою», глумится над своим «бескорыстьем благородным», стыдится того, чем гордился всю жизнь: «Даже стыдно вспомнить старое».

Простосердечный бедняк гибнет. Заподозренный в пьянстве, он в самом деле становится горьким пьяницей. «Дальше нечего рассказывать». Все рушится.

Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.

(I, 169) ¹

«Здесь и «Повесть о капитане Копейкине» (Копейкин у генерал-аншефа), здесь и «Шинель» (Акакий Акакиевич у «значительного лица»), и самая атмосфера происшествия гоголевская», — справедливо замечает К. И. Чуковский.²

«Филантроп» — новелла вполне в духе «натуральной школы» — по типам, по сюжетным ситуациям, по трагикомическому тону. Характеризуя подход «натуральной школы» к жизни, Белинский в письме к К. Д. Кавелину от 7 декабря 1847 года намечает две контрастные сюжетные разработки повести о честном чиновнике: «Вот, например, честный секретарь уездного суда.

¹ В настоящей книге ссылки на стихотворные произведения Некрасова даются по изданию: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л. (Б-ка поэта, Б. с.) 1967. Том обозначается при этом римской цифрой, страница — арабской. Ссылки на прозаические произведения и письма Некрасова даются по изданию: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948—1953. Том и страница обозначаются в этом случае арабской цифрой. Поскольку в цитатах из литературоведческих работ стихи Некрасова цитируются по разным изданиям, указания на том и страницы нами переведены на вышеуказанные издания.

² Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 136.

Писатель риторической школы, изобразив его гражданские и юридические подвиги, кончит тем, что за его добродетель он получает большой чин и делается губернатором, а там и сенатором. Это ценсура пропустит со всею охотою, какими бы негодьями ни был обставлен этот идеальный герой повести, ибо он один выкупает с лихвою наши общественные недостатки. Но писатель натуральной школы, для которого всего дороже истина, под конец повести представит, что героя опутали со всех сторон и запутали, засудили, отрешили с бесчестьем от места, которое он *портил*, и пустили с семьею по миру, если не сослали в Сибирь, а общество наградило его за добродетель справедливости и неподкупности эпитетами беспокойного человека, ябедника, разбойника и пр. и пр.» (XII, 460).¹

Некрасов (который не мог знать этого письма Белинского) дает именно такой сюжет, и даже выражения из письма Белинского — «пустили с семьею по миру», «беспокойный человек» — имеются в стихотворении:

И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!

(I, 164)

Однако и в «натуральной школе» оценка изображаемых жизненных явлений не была единой. В «Бедных людях» Достоевского тоже есть сцена, в которой полураздавленный жизнью маленький человек прекрасной души предстает перед «его превосходительством» в самом жалком виде, и также не может сказать ни слова, и тоже вызывает подозрения в сановнике: «Как же?.. посмотрите, в каком он виде!.. как он!.. что он!..» Но конец тут иной. «Его превосходительство» дает Макару Девушкину сто рублей и на прощание подает ему руку. «...Взял мою руку недостойную, да и потряс ее, так-таки взял да потряс, словно равне своей, словно такому же, как сам, генералу». И это рукопожатие вызывает безграничное умиление в бедняке: «...не так мне сто рублей дороги, как то, что его превосходительство сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать изволили! Этим они меня самому себе возвратили. Этим поступком они дух мой воскресили, жизнь мне слаще

¹ Ссылки на сочинения и письма Белинского даются в тексте по Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. М., 1953—1959, с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

навек сделали, и я твердо уверен, что я как ни грешен перед всевышним, но молитва о счастье и благополучии его превосходительства дойдет до престола его!..»¹

Автор, видимо, сочувствует умилению своего героя, но для Белинского это умиление — едва ли не самое ужасное из всего, что Достоевский изобразил в своем романе. «...Всякое человеческое сердце судорожно и болезненно сожмется от этой — повторяем — *страшной*, глубоко патетической сцены... И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считают за добродетель!..» (IX, 561). Достоевскому Белинский говорил о Девушкине: «...он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого, как он, мог пожалеть «их превосходительство», не его превосходительство, а «их превосходительство», как он у вас выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута целования генеральской ручки, — да ведь тут уж не сожаление к этому несчастному, а ужас, ужас! В этой благодарности-то его ужас! Это трагедия!»²

«В «Филантропе» рассказана история разрушения этого чувства умиления бедняка богатым благодетелем. Если «его превосходительство» «воскресил дух» Макара Девушкина, то «филантроп» угасил дух человека, пришедшего к нему с доверием и надеждой.

Стихотворение Некрасова написано от лица этого «просителя», в той же, характерной для «натуральной школы», манере «чиновничьего сказа», что и «Бедные люди». Эту манеру Некрасов усердно разрабатывал в первой половине 40-х годов и потом оставил.³ В «Филантропе» он частично возвращается к ней.

Здесь нет былого характерного трехстопного ямба; он заменен четырехстопным хореем, но с прежним чередованием дактилических и мужских окончаний, иногда с составными, комическими рифмами: «Житомиру — по миру», «холопа ли — захлопали», «люди я — правосудия» (в варианте). Что в глазах современников сти-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1972, т. 1, с. 93.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений. М.— Л., 1929, т. 12, с. 32.

³ Подробно об этом — в моей статье «Начальный период сатирической поэзии Некрасова (1840—1845)» («Некрасовский сборник». II. М.— Л., 1956).

хотворение ассоциировалось со стихами прежней манеры, показывает характерная ошибка М. Е. Салтыкова, который в письме к Г. З. Елисееву от 15 июля 1884 года цитирует «Филантропа» именно так, как если бы он был написан трехстопным ямбом, а не четырехстопным хореем:

Голодного от пьяного
Не могут отличить¹

вместо

А голодного от пьяного
Не умеют отличить.

(I, 169).

Социальный облик и культурный уровень рассказчика обрисованы наивным сочетанием книжно-канцелярских оборотов с просторечными, например:

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.

(I, 168)

Имитируется устная речь, как бы непосредственно обращенная к слушателям («не взыщите!», «свидетель бог!»), с бытовыми эллипсами («подвели и упекли», «и в столицу поскорей», «не пустил — я в нумера», «а о деле — ни аза»), с характерными для чиновника канцеляризмами (например: «при отшествии к родителям») и со следами литературной фразеологии, соответствующей образованию и вкусам рассказчика («В треволнениях жизни сей»).

При этом книжные обороты даются иногда с легкими неправильностями, например:

Что в столице есть отменное
Благородное лицо...

(I, 166)

(вместо «отменно благородное») или:

О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., М., 1977, т. 20, с. 55.

Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.

(I, 166)

(Глаголы «соревновать» и «вразумить» не сочетаются с предлогом «о». Можно вразумить кого-нибудь, можно соревновать кому-нибудь или с кем-нибудь, но соревновать или вразумить о чем-нибудь нельзя. Нельзя также сказать ни «написал в популярном изложении», ни, тем более, «восемь томов в популярном изложении»).

Книжно-канцелярские слова и обороты в этой речи овеяны ореолом особой почтительности рассказчика. Это достигается не только лексическими, но и ритмическими приемами. В стихе комически-торжественно звучат слова, сокращенно произносимые в быту и получающие иной артикуляционно-акустический облик благодаря стиховому ритму. Разным будет стиховое и бытовое произношение деепричастного оборота

В провиантскую комиссию
Поступивши, например...

(I, 164)

В быту слова первого стиха звучали бы «в провьантскую комисью» и были бы произнесены в гораздо более быстром темпе, а вводное слово «например» слатывалось бы, а не произносилось под рифму, с особой четкостью, с раскатом двух «р».

«Высокий» произносительный стиль, выражающий почтение рассказчика к сфере «письменности», как бы задан уже первым словом стихотворения:

Частью по глупой честности,
Частью по простоте...

(I, 164)

Здесь — художественное задание, а не автоматический результат стиховой ритмики; поэт мог ведь взять слово «частью» и в обычной форме — «частью» (имеется вариант 1-го стиха: «Частью по излишней честности» — I, 450).

Белинский, как мы видели, отмечал почтительное множественное число, в котором Макар Девушкин говорит о своем генерале. Так же говорит о «его сиятель-

стве» рассказчик у Некрасова: «Вот идут — остановились», «Изумились, брови сдвинули»,

Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил...

(I, 168)

Но здесь уже не наивная почтительность Макара Девушкина; здесь к изображению бывшего восторженно-благоговения примешивается ирония над собственной наивностью, особенно явная в дальнейших строках:

Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка.

(I, 168)

В финале же стихотворения это множественное число тяготеет к совсем иному значению. Резкий переход от единственного числа к множественному:

Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав...—

(I, 169)

не допускает возможности понять множественное число иначе как знак обобщенного смысла: «его сиятельство» объединяется со всеми, на кого должно быть распространено обличение, — и сильнее голоса бедняка, от лица которого велось повествование, звучит в этом финале голос самого поэта-сатирика.

2

Кто же эти лица, на которых направлено острие сатиры? В какой общественный круг метит Некрасов? Из сказанного выше естественно заключить, что это круг людей, высоко стоящих на общественной лестнице, готовых любить «младших братьев» и оказывать им материальную помощь, но под тем обязательным условием, чтобы «малые сии» не забывались и отвечали снизошедшим до них господам такой же благоговейной признательностью, с какою реагирует Макар Девушкин на рукопожатие генерала.

В литературе сделана попытка указать и конкретный круг «благотворителей», который непосредственно имел в виду Некрасов. К. И. Чуковский в комментариях к ряду изданий Некрасова указывает, что таким объек-

том являлась благотворительная организация «Общество посещения бедных».

«В 1846 г., — пишет К. И. Чуковский, — по идее писателя В. А. Соллогуба, в петербургских великосветских кругах возникло благотворительное «Общество посещения бедных». Попечителем общества был герцог Лейхтенбергский, председателем — князь В. Ф. Одоевский, в числе членов были: наследник престола, будущий Александр II, граф Д. Н. Шереметьев, граф И. И. Воронцов-Дашков, князь М. Ю. Виельгорский и др. В обывательской журналистике того времени было принято восхвалять это общество в таком гиперболическом тоне: „Всюду является оно, чтобы поднять на ноги упавшего, отереть слезы плачущего и утешить страждущего“» («Заметки петербургского жителя». — «Библиотека для чтения», 1855, № 4, с. 110—127). «Филантроп» — явная насмешка и над этим обществом и над его председателем» (1, 545—546).

В доказательство последнего положения К. И. Чуковский приводит следующие аргументы:

1) «В одном из белых автографов «Филантропа» есть следующая надпись Некрасова: «Члену Общества Посещения Бедных, Его Высочородию Мих(аил)у Ник(олаевичу) Лонгинову отставного Коллежского Секретаря Пучина всенижайшее донесение о причинах, доведших означенного Пучина до крайней степени нищеты, бродяжничества и пьянства».

2) «В лице филантропа поэт отчасти изобразил В. Ф. Одоевского».

3) Для журнального текста Некрасову пришлось «замаскировать направленность своей сатиры против «общества благотворителей» в «особом вступлении», имеющем вид „апологии этого общества“» (1, 546—547).

Действительно, журнальный текст открывается таким вступлением:

Бедных петербургских жителей,
Стариков, сирот и вдов,
Общество благотворителей
Приняло под свой покров.

(1, 551)

Причем это вступление явно дисгармонирует с дальнейшим текстом и по содержанию, и по тону.

Помимо аргументов, приводимых К. И. Чуковским, можно указать еще на то, что сам В. Ф. Одоевский воспринимал стихотворение «Филантроп» как направленное и против него лично, и против руководимого им общества. В письме к Некрасову от 10 января 1860 года Одоевский отводит обвинения не только от себя, но и от общества: «...следы действий этого Общества до сих пор здравствуют и в оставшихся заведениях (довольно, однако, замечательных) и в нескольких сотнях лиц, им призренных, возвращенных, воспитанных и у которых не худо было бы спроситься, если уже на то дело пошло, действительно ли кто выходил от нас без рубля (когда он был) или без ласкового слова...».

«„Да с чего же, однако же, взялся весь анекдот?“ — „А я почему знаю? в массе 18 тысяч семейств, на которых распространялось действие Общества в продолжение 9-ти лет, было не без негодяев, и неблагодарных, и нахальных, и лживых“».

«...Общество, которое, смело могу выговорить, заслужило не упреков, но сохранило навсегда право на *полное и безусловное уважение* со стороны всех мыслящих и добрых людей, как по трудам своим, так и по страшным страданиям, им вынесенным, что, как то, так и другое, — осталось незамеченным для нашей прозорливой литературы».¹

«Общество посещения бедных» было благотворительной организацией с несколько необычной программой. Главной его задачей была проверка подлинности нужды и степени бедности просителей, обращавшихся к богатым людям с просьбами о пособии. В уставе общества читаем: «Общество посещения бедных имеет главным предметом действий своих удостоверение в настоящем положении жителей С.-Петербурга, которые обращаются с просьбами о пособии к разным благотворительным лицам. Посему, входя в посредничество между благотворителями и нуждающимися, оно содействует, чтобы благотворения достигали своего назначения».²

Общество, как указывается в его первом отчете, должно было избавить обращавшихся к его услугам филан-

¹ Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916, с. 133, 134, 135.

² Устав Общества посещения бедных в С.-Петербурге. СПб., 1851, с. 1.

тропов от возможности «холодную, слепую, бессознательную милостынею поощрить нищенство и дать порочному нахальству новые средства для еще большего развращения». ¹ По словам одного из следующих отчетов, «контора Общества посещения бедных (...) сделалась грозою для ложных бедных. Обличенные в обмане, они уже не смеют являться в те дома, где привыкли получать незаслуженное пособие». ²

Таким образом, формула, которою заканчивается стихотворение Некрасова:

А голодного от пьяного
Не умеют отличить, —

(I, 169)

получала особую остроту в применении к организации, основной целью которой и было «отличать голодного от пьяного».

Насколько справедливым было такое обвинение в отношении «Общества посещения бедных»? Отчеты общества, писанные его руководителем В. Ф. Одоевским, отвергают подобную возможность: «Мы могли иногда ошибиться *в пользу* бедного, но никогда *против* него». ³ Словно предвидя обвинения Некрасова, Одоевский утверждает, что общество оказывало беднякам не только материальную, но и моральную помощь, состоящую иногда «в простом нравственном ободрении, в тех нередких случаях, где нищета преимущественно происходит от уныния и упадка духа после долгих бедствий и неудач». ⁴

Но надо сказать, во-первых, что Некрасов знал дела «Общества посещения бедных», как мы увидим ниже, не только по печатным известиям или понаслышке, а во-вторых, организация проверки просителей и персонал, производивший ее, вызывают естественное подозрение в возможности идеально справляться с такой задачей.

Во главе общества стояла небольшая группа «членов-распорядителей»; все остальные назывались «членами-посетителями». Задачей «членов-посетителей» и являлась проверка бедности просителей посредством

¹ Отчет Общества посещения бедных. Первое полугодичное заседание. — «С.-Петербургские ведомости», 1847, № 42.

² Отчет высочайше утвержденного Общества посещения бедных за 1849 г. СПб., 1851, с. 6.

³ «С.-Петербургские ведомости», 1847, № 46.

⁴ Там же, № 42.

посещения их жилищ и личных бесед с ними. На основании этих-то посещений и бесед общество «ставило преграды тунеядству и обличало промысл нищенством».¹

В «Обществе посещения бедных» подвизались, как мы уже знаем, важные господа. Можно себе представить изумление и испуг бедняков, в лачугах которых появлялись такие посетители. Отчет, на который мы уже ссылались, прямо говорит: «Замечено, что бедный сначала пугается вопросов, ему делаемых».² Сильно испугавшись, бедняк мог оказаться «пред сиятельным лицом» в положении, описанном Некрасовым. А из сиятельных лиц, взявших на себя экспертизу, многие, вероятно, никогда раньше не видали нужды, являлись с достаточно произвольными представлениями о ее симптомах и, может быть, не всегда удовлетворительно выполняли свою миссию.

Все это — для современников, достаточно осведомленных в делах столичной благотворительности,— могло входить в «подтекст» стихотворения. Тем не менее вопрос о роли «Общества посещения бедных» в замысле «Филантропа» отнюдь не ясен. Ни о каком благотворительном обществе в стихотворении не сказано ни слова (если не считать вынужденных, внесенных при переделке, строф в начале журнальной редакции), нет в стихотворении и самой темы посещения бедняка благотворителем,— темы, естественно напрашивающейся при изображении *данного* общества и заключающей богатые сатирические возможности. А главное, хотя в стихотворении и выведен знатный филантроп, но охарактеризован он такими чертами, которые никак не могли быть типичными для великосветских благотворителей вообще.

Некрасовский герой — не только важная персона и знаменитый филантроп, он в то же время — энергичный деятель в области народного просвещения и писатель, посвятивший свое перо созданию книг для народа. Наставительные книжки он пишет, видимо, не только для крестьян. Рассказчик ведь говорит ему:

¹ Путята Н. Князь Владимир Федорович Одоевский и Общество посещения бедных просителей в Петербурге.— В кн.: «В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 г.». М., 1869, с. 20.

² «С.-Петербургские ведомости», 1847, № 44.

Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух.

(I, 167)

Тут, очевидно, имеется в виду уже не копеечная брошюрка для «мужика», а какая-то назидательная книга для читателя более высокого социального круга.

Далее: филантроп имеет репутацию не только «сердца ангельски незлобного», но и «умнейшей головы», человека смелой мысли, стремящегося

...свет весь заново
К общей пользе изменить.

(I, 169)

Все это очень усложняет образ филантропа, затрудняет понимание его как типического образа. При этом невозможно не считаться с тем, что характеристика главного персонажа связана с чертами определенного прототипа. «Филантроп» в творчестве Некрасова — первая сатира, в герое которой описано определенное, хорошо известное в столице лицо. В дальнейшем метод создания сатирических типов на основе описания реальных «оригиналов» будет играть большую роль в сатире Некрасова.

3

По своему общественному положению, общественной репутации, взглядам, занятиям, интересам образ некрасовского филантропа ассоциируется с В. Ф. Одоевским. «Филантроп в самом широком смысле этого слова»,¹ без участия которого не обходилось ни одно благотворительное предприятие тех лет, человек глубокого и разностороннего образования, с философским направлением мысли, с пытливым интересом к общественным вопросам, к проблеме социальных реформ, Одоевский часть своей многосторонней деятельности отдал составлению и изданию дешевых и действительно расходившихся «в большом количестве» книг для крестьянства и вообще для «простонародья», причем, как мы

¹ Боцяновский В. Ф. Кн. В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в С.-Петербурге. — «Трудовая помощь», 1899, № 4—5, с. 318.

увидим дальше, и проповедь «терпенья», и стремление «вразумить мужика об электричестве» являются отличительными признаками его писаний для народа.

Современники вспоминали о доброте, кротости, равной для всех приветливости Одоевского. Самые эпитеты, примененные к филантропу, видимо, отражают привычную фразеологию, принятую в обществе в отношении Одоевского. В. А. Инсарский в своих воспоминаниях называет Одоевского «ангельской личностью», прославленной «чистой любовью к добру и к людям».¹ Ср. стих 43 («Сердца ангельски незлобного») и 48 («А любовь к добру»).

Филантроп в стихотворении назван «его сиятельством»,² генералом, говорится о его «приезде ко двору», то есть придворном звании,³ о «станиславской звезде». Все это соответствует положению В. Ф. Одоевского. «Сиятельство» по княжескому титулу, Одоевский был с 1845 года «штатским генералом» (действительным статским советником), еще с 1836 года имел придворное звание камергера, в 1852 году был награжден орденом Станислава 1-й степени («со звездой»)⁴.

Все эти прямые соответствия имеются как в тех автографах и рукописных копиях, в которых стихотворение расходилось до его опубликования, так и в собраниях стихотворений Некрасова начиная с издания 1861 года. Но в журнальной публикации (в «Современнике» 1856 года) и в сборнике 1856 года стихотворение напечатано с изменениями, имеющими явную цель ослабить сходство с Одоевским. Это было сделано, очевидно, чтобы стихотворение не производило впечатления личного памфлета; могли тут играть роль и цензурные соображения, поскольку цензура охраняла престиж сановных лиц.

Некрасов убрал строфу, в которой говорится о титуле, ордене и «приезде ко двору», по всему тексту снял слова «его сиятельство» и «генерал», исключил все, что говорило о «благотворителе» как чиновнике; так,

¹ Инсарский В. А. Общество посещения бедных.— «Русский архив», 1869, № 6, стлб. 1015 и 1020.

² Правда, графом, а не князем.

³ Термин того времени. Ср.: «А. Н. Карамзин не имел приезда ко двору». — Инсарский В. А. Записки. СПб., 1898, ч. 2, с. 292.

⁴ Эти данные извлечены нами из формулярного списка В. Ф. Одоевского (Рукописное отд. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив В. Ф. Одоевского. Опись 1, т. 101, № 3).

«экзекутор» заменен «камердинером». Не ограничиваясь этим, Некрасов применил своеобразный прием камуфляжа: в том месте, где указание на Одоевского особенно явно — в характеристике филантропа как писателя для народа, — Некрасов вставил строфу, намекающую на другого известного писателя для народа:

В русском духе, молодецкая,
Как по маслу речь текла,
Хоть фамилия немецкая
У особы той была.

(I, 450)

Это — очевидный намек на В. И. Даля, писания которого «для народа» охарактеризованы очень метко. Рассказ от лица балагура-краснобая, молодецкватый тон, нарочитая, можно сказать гипертрофированная, имитация народной лексики — все это как нельзя более характерно для произведений «Казака Луганского», предназначенных для народного чтения.

Вставленная строфа давала возможность Некрасову утверждать, в случае каких-либо претензий, что он описал не одно какое-то лицо, а использовал, создавая тип, черты различных известных ему лиц.

Между тем сама история текста стихотворения показывает, что с Далем образ филантропа непосредственно не связан. Намеков на Даля или каких-либо свойственных Далю черт нет, как свидетельствуют рукописи, в тексте, созданном в 1853 году; нет их и в печатных текстах, кроме двух публикаций 1856 года, в которых переделка явно вызывалась цензурными или личными мотивами и была сделана на скорую руку, весьма небрежно.

В самом деле, цитированная выше строфа, начинающаяся словами «о народном просвещении», получила в публикациях 1856 года такой вид:

О народном просвещении
Соревнуя, пять частей
В популярном изложении
Напечатал повестей.

(I, 552)

Повести — жанр более характерный для Даля, чем статьи. Но в тексте остается и тема «электричества», и «популярное изложение» — все это никак не вяжется с жанром повести. Притом новая редакция дефектна

и грамматически: предложение лишено подлежащего, не согласовано и с подлежащим предыдущего предложения.

Интересно, конечно, что для диссимуляции прототипа Некрасов избрал не другого «благотворителя», а другого писателя для народа; это показывает, насколько данный вид деятельности Одоевского был существен для замысла стихотворения, но все же основная его тема — филантропия, которою Даль, насколько мы знаем, не занимался, а поэтому в прототипы филантропа не годился.

Хотя в тексте 1856 года прямых намеков на Одоевского уже почти не было, последний все же воспринял это произведение как памфлет на себя, дающий основание для протеста. В письме к Некрасову от 10 января 1860 года Одоевский выставил основанием для идентификации героя стихотворения с собой занятия «*публичною благотворительностию*» и то, что «хоть и не об электричестве, но, грешен, писал именно для мужиков, и именно о *химических и физических предметах* и NB NB писал один во всей русской литературе».¹ Рассматривая стихотворение как персональный памфлет, Одоевский «по пунктам» опровергает возводимые на филантропа обвинения:

«Есть ли гайдуки?», «Есть ли передняя?», «Топал ли ногами?», «Кричал ли?», «...голодного от пьяного <...> отлечить <...> сумею безошибочно» и т. п.²

Тут-то и пригодилась Некрасову его уловка — подмена Одоевского Далем. В ответном письме Одоевскому Некрасов просто заявил, что «решительно не имел его в виду», и дал следующую версию возникновения замысла «Филантропа»:

«Когда я хотел издавать «Петербургский» сборник», со мной было вот что: я пришел к Далю, который жил в 8-м, кажется, этаже, просить у него статьи. Я очень запыхался и, может быть, сконфузился. Я был тогда начинающий. Даль мне в просьбе моей отказал; а через несколько дней сказал Тургеневу: «*Что за человек Некрасов? Он пришел ко мне пьяный?*» и проч. Тургенев, я думаю, это помнит. Я не был ни пьян, ни го-

¹ Возможно, конечно, что Одоевский знал рукописный текст «Филантропа»; эту возможность Некрасов как будто учитывает в своем ответе (см.: 10, 412).

² Архив села Карабихи, с. 133—134.

лоден, это меня заставило подумать, как Даль дошел до такого заключения обо мне, — вышло стихотворение «Филантроп». Но, по-моему, я и Даля тоже в нем не изобразил — я вывел черту современного общества — и совесть моя была и остается спокойна» (10, 412).¹

Таким образом, замысел «Филантропа», по объяснению Некрасова, возник по довольно далекой аналогии. Робкий, начинающий издатель явился с просьбой о сотрудничестве к известному писателю; сильно запыхавшийся и сконфуженный, он был принят за пьяного, в его просьбе ему отказали — и это надело Некрасова на сюжет «Филантропа», где на место известного писателя подставлен барин-благотворитель, а на место начинающего издателя — полуничий отставной чиновник.

Все это весьма мало правдоподобно. В «Петербургском сборнике» действительно нет произведений Даля, но в «Физиологии Петербурга», которую Некрасов издал в предыдущем, 1845 году, напечатан очерк Даля «Петербургский дворник». Может быть, Некрасов и приходил к Далю просить сотрудничества в «Петербургском сборнике», а тот ему почему-либо отказал, но, во всяком случае, Даль к этому времени достаточно коротко знал Некрасова и не мог принять его за пьяного проходимца. Представляя себе эту ситуацию, трудно поверить и тому, чтобы на Некрасова напала вдруг такая робость перед Далем, что он не в силах был толком объясниться и поэтому был принят за пьяного. Если же ничего этого не было, то воспоминание о приеме у Даля не могло послужить отправной точкой для возникновения сюжета «Филантропа». Скорее всего, Некрасов, чтобы выйти из неприятного положения, просто сочинил этот эпизод, воспользовавшись нали-

¹ Очень странно указание Некрасова, что Даль «жил в 8-м, кажется, этаже». В Петербурге 40-х годов не только не было восьмиэтажных домов, но почти не было даже пятиэтажных; Даль же, согласно мемуарам А. Д. Шумахера, жил на четвертом этаже (Шумахер А. Д. Поздние воспоминания. — «Вестник Европы», 1899, № 3, с. 122). Это соответствует указанию П. И. Мельникова: «В. И. Даль, служа при графе Л. А. Перовском, имел казенную квартиру в том же доме у Александринского театра, где жил и сам министр» (Мельников П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк. — В кн.: Даль В. И. Полн. собр. соч. СПб., М., 1897, т. 1, с. 55). Дом этот (на углу ул. Островского и улицы Зодчего Росси) — четырехэтажный.

нием в издании 1856 года строфы, намекающей на Даля.

Итак, ссылки на Даля лишь маскировали тот факт, что прямым прототипом филантропа был В. Ф. Одоевский. Тогда возникает вопрос: для чего Некрасов объединил в образе филантропа черты, свойственные определенному лицу, но не типичные для светского филантропа вообще? Являлось ли в глазах Некрасова сочетание таких черт, как аристократизм, высокое служебное положение, благотворительность, составление книг для народа, реформаторские стремления, только индивидуальным сочетанием, свойственным Одоевскому, или в этом сочетании Некрасов усмотрел признаки известного общественного типа, с которым он счел нужным бороться? В первом случае перед нами — пасквиль, цель которого унижить и скомпрометировать отдельное лицо, во втором случае мы имеем дело с особым методом создания типического образа.

Конечно, правильно второе предположение. Некрасов дорожил своей литературной репутацией, и, если бы он даже и был способен по личным мотивам написать лишенный идейного значения пасквиль, он бы не напечатал такого произведения и уж во всяком случае не включил его в собрание своих стихотворений, к составлению которого отнесся с большой строгостью.

Но никаких личных мотивов тут явно и не было. Одоевский — один из старейших литературных знакомых Некрасова, участник «Отечественных записок» и «Литературной газеты», в которой он вел в 1844—1845 годы кулинарный фельетон под псевдонимом доктора Пуфа; темы этого фельетона Некрасов постоянно подхватывал и обыгрывал в своих фельетонах. В ту же пору Некрасов стал посещать Одоевского. В конце 1845 года Одоевский просил Некрасова познакомить его с Достоевским (см.: 10, 48). Одоевский участвовал в «Петербургском сборнике» Некрасова. В объявлении о переходе «Современника» под руководство Некрасова и Панаева Одоевский значится в числе сотрудников обновленного журнала (см.: 12, 110). Личные отношения с Одоевским Некрасов продолжал и после написания «Филантропа». 27 июня 1856 года он сообщает Тургеневу, что посетил Одоевского на даче в Ораниенбауме (см.: 10, 281).

Белинский, оценки которого были так важны для Некрасова, относился к Одоевскому с неизменным

уважением и симпатией, хотя и не скрывал идейных расхождений с ним. Суммируя печатные отзывы Белинского об Одоевском, В. С. Спиридонов пишет: «...все вообще отзывы критика о князе Одоевском, идущие непрерывно от «Литературных мечтаний», проникнуты глубоким уважением к последнему».¹

Заканчивая специальную статью о сочинениях Одоевского, Белинский характеризует его не только как писателя, но и как человека: «Что же касается до его лучших произведений,— они обнаруживают в нем не только писателя с большим талантом, но и человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевым убеждением,— человека, которого волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли» (VIII, 323).

О том, что Некрасов считал «Филантропа» произведением идейно значительным и ценным, свидетельствуют строки в его письме к Тургеневу от 17 ноября 1853 года: «Посылаю тебе «Филантропа» — скажи мне о нем свое мнение. Этой вещи я не почитаю хорошою, но дельною» (10, 198). Это терминология Белинского. В последние годы своей жизни Белинский неоднократно говорил о «дельной поэзии, то есть такой поэзии, которою не стыдно заниматься как делом» (X, 35). «Дельными» Белинский называл произведения прогрессивной идеологии, выдвигающие социальные проблемы. «...Будь повесть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное — сколько-нибудь *дельна* — я не читаю, а пожираю с жадностью собаки, истомленной голодом,— пишет он Боткину в декабре 1847 года.— Для меня дело — в деле. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатление. Если она достигает этой цели и вовсе без поэзии и творчества, она для меня *тем не менее* интересна, и я ее не читаю, а пожираю (<...>). Разумеется, если повесть возбуждает вопросы и производит нравственное впечатление на общество при высокой художественности,— тем она для меня лучше; но главное-то у меня все-таки в деле, а не в щегольстве. Будь повесть хоть расхудоженственна, да если в ней нет дела-то, братец, дела-то: je t'emp fous»¹ (XII, 445). Эпитет «дельные» Белинский часто применял к стихам Некрасова: «Они проникнуты мыслью; это — не стишки к деве и луне; в них много

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Л., 1948, т. 13, с. 265.

умного, дельного и современного» (IX, 573; ср. IX, 218). Цитированные слова Некрасова из его письма к Тургеневу означают, очевидно, что он не высокого мнения о стихотворении «Филантроп» в художественном отношении, но считает его идейно значительным произведением.

Не только в эту пору, но и позже Некрасов продолжал считать «Филантропа» значительным стихотворением. В 1860 году на первом публичном чтении только что основанного Литературного фонда Некрасов намеревался прочесть «Филантропа», о чем уже было объявлено в афишах. Это и послужило поводом к цитированному выше письму В. Ф. Одоевского к Некрасову.¹

Стихотворение было очень популярно в 60-е годы. «„Филантроп“ пользовался весьма широкой популярностью в самых разнообразных кругах, мало кто не знал его наизусть», — вспоминает Л. Ф. Пантелеев.² «Столь известный всем „Филантроп“», — говорит о стихотворении в своих воспоминаниях Е. Я. Колбасин.³ Писарев, перечисляя в 1861 году лучшие произведения Некрасова, первым называет «Филантропа».⁴ Славянофильский критик Е. Н. Эдельсон в статье 1864 года причисляет «Филантропа» к «горячо прочувствованным и глубоко созревшим стихотворениям».⁵

Все это свидетельствует об идейной значительности произведения, а следовательно, и о том, что в нем описано типическое явление. За светской ложью письма Некрасова Одоевскому стоит большая правда, выраженная в следующих словах письма: «Я вывел черту современного общества — и совесть моя была и остается спокойна» (10, 412).

Сатирически воспроизводя как будто бы очень индивидуальное сочетание свойств, Некрасов отражает и обличает в стихотворении черты, характерные для какого-то круга людей. Но для установления этого круга единственной нашей твердой опорой является прямая связь образа филантропа с Одоевским. Таким образом,

¹ Одоевский просил Некрасова не читать публично «Филантропа». Некрасов согласился и прочел на вечере другие стихи.

² Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 723.

³ Колбасин Е. Тени старого «Современника». — «Современник», 1911, № 8, с. 232.

⁴ См.: Писарев Д. И. Сочинения. М., 1955, т. 1, с. 196.

⁵ Цит. по: Зелинский В. Сборник критических статей о Н. А. Некрасове, ч. 1, изд. 3-е, М., 1906, с. 215.

дальнейшее исследование должно строиться на анализе деятельности Одоевского в тех сферах, которые затронуты в стихотворении Некрасова, и установлении круга единомышленников и соратников Одоевского, сходных с ним чертами типа.

4

В связи с сатирой Некрасова Одоевский может интересовать нас как филантроп, как социальный мыслитель и как писатель для народа. Все эти стороны его деятельности тесно связаны между собой.

«В сороковых и пятидесятых годах Одоевский много думает о вопросах социальной жизни, усердно читает книги по политической экономии, изучает и социалистов».¹ Основное направление мысли Одоевского можно было бы определить как поиски таких мероприятий, которые улучшали и облегчали бы жизнь людей, устраняя при этом угрозу революции.

В архиве Одоевского сохранился ряд набросков под заглавиями: «О пауперизме», «Пауперизм и бедность», «Пауперизм, бедность и филантропия. Опыт о возможности благотворительности как науки» и т. п. Видно, что проблема пауперизма — центральная проблема, занимающая Одоевского. Одним из основных путей борьбы с пауперизмом он считает благотворительность.

С середины 40-х годов Одоевский большую часть своих незаурядных сил отдает практическому воплощению своих идей. На первом плане — борьба с нищетой. Основная задача благотворительной деятельности Одоевского (в которой «Общество посещения бедных» — только одно из звеньев) — помощь в отыскании работы, стимуляция выхода из нищеты к бедной, но самостоятельной трудовой жизни.

Одоевский много думает не только о целях и формах материальной помощи, но и о повышении жизненного уровня бедных людей без помощи извне (и, разумеется, без кардинального изменения социального строя): Его интересуют не только вопросы борьбы с разоряющими пороками (леность, пьянство), но и вопросы

¹ Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. М., 1922, ч. I, с. 453.

домашнего устройства, домашнего хозяйства, рационального использования жизненных ресурсов.¹

Но, чтобы препятствовать развитию революционных настроений, недостаточно было бороться с нищетой, недостаточно было и давать бедным людям советы экономического характера. Самое важное было — убедить бедных людей в том, что они должны быть довольны своей участью. В некрасовской формуле «нам терпенье проповедуя» схвачен основной мотив наставлений Одоевского. Для того чтобы люди не бунтовали, нужно, с одной стороны, избавить их от невыносимых мук нищеты, а с другой — внушить им преданность власти, закону, религии, убедить в естественности и необходимости социального и экономического неравенства как фундамента любого общества, научить кротко и терпеливо переносить бедность и социальную приниженность. Стремление пропагандировать эти мысли — основной стимул к выходу Одоевского на поприще писателя для народа.

В области литературы для народа главным делом Одоевского был сборник «Сельское чтение», четыре книжки которого вышли на протяжении 1843—1848 годов, а затем многократно переиздавались. «Сельское чтение» составлялось и издавалось В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским при постоянном сотрудничестве В. И. Даля и спорадическом участии нескольких других литераторов (А. Ф. Вельтмана, М. Н. Заголкина, В. А. Соллогуба и др.). Это издание весьма целенаправленное и продуманное. На первый план выдвинуты хозяйственные советы в области агрономии и животноводства. Специальные популярные статьи рассказывают «О том, какой хлеб какую землю любит», «Как надобно пахать землю, чтоб хорошо хлеб родился», «О том, как с домашнею скотиною надобно обращаться», о вредных насекомых, о пользе картофеля, о противопожарных мероприятиях в деревенских усло-

¹ В 1844 г. при «Литературной газете» стало выходить особое приложение «Записки для хозяев», под редакцией А. П. Заблоцкого-Десятовского. В этом издании, как указано в объявлении «Литературной газеты», «особое внимание (...) обращено на домоводство — предмет (...), который так тесно связан с успехами гражданской жизни». Здесь Одоевский повел кулинарный фельетон под псевдонимом доктора Пуфа. Согласно его разъяснениям, «лекции доктора Пуфа» предназначались преимущественно для людей, не имеющих повара (а лишь неквалифицированную прислугу) и экономных («Записки для хозяев», 1844, № 2, с. 14).

виях и т. п. Имеются статьи и рассказы на медицинские, санитарно-гигиенические, ветеринарные темы. Практически, в связи с потребностями крестьянской жизни, излагаются начатки физики, биологии. Даются сведения о мерах, весах, календаре, кое-какие знания по истории и географии и т. п.

Но еще больше, чем продвижением в крестьянскую среду элементарных знаний и хозяйственных навыков, заняты издатели «Сельского чтения» морально-политическим воспитанием своих читателей. Им внушается уважение к религии и священникам, к царю и начальникам, к законам и собственности, к хозяевам и к старшим в семье, к богатым людям, разжившимся «своим трудом». Очерки и рассказы призывают к богобоязненности, трудолюбию, бережливости, трезвости, опрятности, повиновению начальству, довольству своей жизнью: «Трудящемуся бог никогда не отказывает», «Трудись и будешь хоть не богат, но сыт и одет»¹ — вот афоризмы, настойчиво продвигаемые в народ. Нет и намека на то, что несчастья и горести крестьянина могут зависеть от чего-нибудь еще, кроме его собственных пороков или стихийных бедствий.

Большой интерес представляет отношение к «Сельскому чтению» Белинского. Он настойчиво пропагандировал это издание. Каждому из четырех выпусков он посвятил отдельную рецензию и, кроме того, откликнулся особыми заметками на многочисленные переиздания книжек. Белинский неизменно квалифицирует «Сельское чтение» как «прекрасное издание» (X, 371), как «первую удачную попытку» «заохотить простой народ к чтению» (IX, 301), ставит это издание «в разряд тех классических книг, в похвалах которым бесполезно распространяться» (VIII, 295). Белинский указывал на «колоссальный успех» «Сельского чтения» в народе и причину его видел в «глубоком знании быта, потребностей и самой природы русского крестьянина» и в «таланте, с каким умели издатели воспользоваться этим знанием» (IX, 302). «Явление такой книжки, как «Сельское чтение», должно радовать всякого истинного патриота, всякого друга общего добра», — писал Белинский

¹ Кн. Одоевский В. Ф. и Заблоцкий А. П. Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро. — «Сельское чтение», кн. 1, СПб., 1843, с. 21.

в 1843 году в рецензии на первый выпуск «Сельского чтения» (VI, 682).

Вслед за Белинским и Некрасов писал в 1844 году о «Сельском чтении», защищая его от нападков реакционеров.¹

Странной может показаться систематическая пропаганда «Сельского чтения» Белинским, который ясно видел, что это издание «внушает простому человеку правила религии, преданности и благодарность престолу» (VI, 683). На отношение Белинского, очевидно, влияло то, что «Сельское чтение» было первым изданием для крестьян, авторы которого добросовестно стремились сообщить своим читателям хотя бы начатки серьезных знаний. В «Сельском чтении» систематически велась энергичная пропаганда грамотности и хозяйственных нововведений, борьба с предрассудками, с застойностью крестьянского быта. Книжки «Сельского чтения» злобно встречались реакционерами, считавшими, «что крестьянину нужны щи да каша, а грамота бесполезна» (VI, 689).²

Главным же, что определяло отношение Белинского к «Сельскому чтению», была связь этого издания с людьми и учреждениями, пытавшимися содействовать подготовке крестьянской реформы. Правда, в самом тексте четырех выпусков «Сельского чтения» эта связь сказывается лишь в демонстративном воздержании от пропаганды крепостного права. Крепостное право не осуждается, но и не оправдывается,— оно игнорируется. Об отношениях помещиков и крестьян не поминается ни единым словом. Читая «Сельское чтение», можно было подумать, что в России есть только государственные крестьяне. Правда, «Сельское чтение» и предназначалось в первую очередь для государственных крестьян, но не для них одних. Да и предназначение для тех или иных читателей не объясняет умолчания

¹ В фельетоне «Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе» (5, 432—443).

² «Крепостники смотрели на Одоевского с насмешкой, как на чудака, измышляющего какую-то литературу для их холопов. Славянофилы принципиально отвергали интеллигентную литературу для народа, усматривая в ней неуважение к народной мудрости и подозревая влияние гнилого Запада» (Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков, 1854, с. 23). О враждебном отношении славянофилов к «Сельскому чтению» см. у Белинского (IX, 589; X, 260; X, 368—371).

о таком существеннейшем факте русской жизни, как крепостное право. В те годы такое умолчание было достаточно красноречивым свидетельством отношения издателей к крепостному праву.

Свидетельство это не обманчиво. В письме 1865 года Одоевский утверждает: «Мои убеждения — не со вчерашнего дня; с ранних лет я выражал их всеми доступными для меня способами: пером — насколько то позволялось тогда в печати, а равно и в правительственных сношениях, изустною речью не только в частных беседах, но и в официальных комитетах,— везде и всегда я утверждал необходимость уничтожения крепостничества и указывал на губительное влияние *олигархии* в России; более 30 лет моей публичной жизни доставили мне лишь новые аргументы в подкрепление моих убеждений».¹

Невозможно было ставить целью развитие в народе довольства своим положением и в то же время поддерживать крепостное право, все более, даже по официальным признаниям, лишавшееся «патриархальности», то есть становившееся все более бесчеловечным и грозившее взрывом. «Лишь вовремя произведенными реформами можно остановить насильственное вторжение губительных, фантастических нововведений»² — вот основная мысль Одоевского.

5

Итак, Одоевский — либерал, враг крепостного права. Но это определение еще очень общее. История русского либерализма 40-х годов изучена плохо. Говоря о либералах этого времени, мы обычно представляем себе «лишних людей», осуждающих крепостное право и самодержавие, а поэтому не идущих на чиновничью или военную службу и не хозяйничающих всерьез в своих имениях; это люди, не признающие революционного пути и не верящие в возможность реформы сверху при данном режиме, а значит, не находящие вообще практических путей к осуществлению своих идей. «Либерал-идеалист», «созерцающий, читающий», но «для

¹ См.: Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский. Литературно-биографический очерк в связи с личными воспоминаниями. СПб., 1880, с. 46—47.

² Цит. по: Цехновицер О. В. «Силуэт. В. Ф. Одоевский». — В кн.: Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л., 1929, с. 37.

действительности скованный»¹ — любимый герой литературы 40—50-х годов.

Одоевский принадлежал к другой ветви русского либерализма 40-х годов. Это — либерал, не только теоретически считавший единственным приемлемым путем изменения социального строя путь правительственных реформ (это общая позиция всех либералов), но и практически возлагавший большие надежды на правительство Николая I, веривший и надеявшийся на освобождение им крестьян и старавшийся действовать в этом направлении. Таких гувернаментальных либералов было не так мало среди столичного чиновничества 40-х годов.

Наши историки не всегда осознают, что это тоже либералы, перенося более поздние критерии на эпоху 40-х годов. Но в эту эпоху, когда, по словам Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом»,² отношение к крепостному праву и являлось критерием отличия реакционеров от либералов; враждебное отношение к крепостному праву было признаком либерализма, отчуждало от лагеря реакционеров и в какой-то мере сближало с лагерем демократов, какими бы робкими и половинчатыми ни были взгляды, стремления и действия либералов.

В 40-е годы в Петербурге были даже департаменты и министерства, слывшие либеральными. Подобную репутацию имело прежде всего министерство государственных имуществ, созданное и руководимое П. Д. Киселевым. Чиновников этого министерства, по свидетельству Салтыкова-Щедрина (в «Пошехонской старине»), помещики называли «эмиссарами Пугачева».³ В этом министерстве — конечно, не случайно — и служил Одоевский в качестве члена Ученого комитета, где он работал бок о бок со своим другом и соиздателем по «Сельскому чтению» А. П. Заблоцким-Десятовским, редактором «Журнала Министерства государственных имуществ», одним из основных идеологов этого министерства.

«Теперь ни для кого не тайна, — писал К. Д. Кавелин в некрологе Заблоцкого-Десятовского, — что учреждение Министерства государственных имуществ

¹ Выражения взяты из «Медвежьей охоты» Некрасова.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1975, т. 17, с. 161.

было как бы прологом к отмене крепостного права: Поборники его <...> знали это и потому относились крайне недоброжелательно к графу Киселеву, его министерству и главнейшим его сотрудникам, между которыми особенно выдавался А. П. Заблоцкий-Десятовский своим умом, обширными познаниями, талантом, трудолюбием и искренней приверженностью идее освобождения крестьян».¹

Учреждение министерства государственных имуществ было связано с идеей освобождения крестьян следующим образом: предполагалось дать личную свободу государственным крестьянам, обязав их при этом рядом повинностей по отношению к государству, а затем постепенно изменить и положение помещичьих крестьян по аналогии с государственными и на основе введения нового статуса. Помещичьи крестьяне должны были в конце концов стать лично свободными, но обязанными нести такие же повинности в пользу помещиков, каких от государственных крестьян требовало дворянское государство; административное управление ими должно было перейти в той или иной степени к тому же министерству государственных имуществ. «В плане задуманного двуединого преобразования Министерство государственных имуществ должно было стать «министерством реформы», могущественным рычагом для очищения и регулирования феодальных отношений», — пишет академик Н. М. Дружинин в своем исследовании о государственных крестьянах николаевской эпохи.²

Очень ясно и откровенно высказался о своих намерениях и стимулах П. Д. Киселев в дружеском письме к М. С. Воронцову от 3 января 1852 года: «Никогда не было речи об абсолютном освобождении, а только единственно о регулировании крепостного права <...>. Я могу сказать, что этого и до сих пор желаю из страха, потому что чем более я всматриваюсь, тем более страшусь жакерии, грозящей спокойствию России и существованию дворянства».³

Культурные мероприятия своего министерства Киселев планировал исходя из того, что необходимо ждать улучшения хозяйственного быта государственных крестьян

¹ «Русская старина», 1882, № 2, с. 549.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946, т. 1, с. 504.

³ См.: Там же, с. 274.

от распространения «образования, приличного и соответственного их состоянию»; нужно увеличить количество волостных училищ и составить для крестьян морально-политическое наставление «в виде гражданского катехизиса, в котором показать обязанности крестьян к государю и властям, обязанности семейные и, наконец, главнейшие постановления полицейские и уголовные».¹

Организацией воспитания и образования крестьян в этом духе и должен был заниматься Ученый комитет министерства, в котором наиболее выдающимися чиновниками были Заблоцкий и Одоевский. Задачей комитета являлось идеологическое руководство государственными крестьянами, составление учебников для создаваемых министерством крестьянских школ и книг для крестьянского чтения.

П. И. Мельников-Печерский в биографии В. И. Даля утверждает, что П. Д. Киселев «поручил служившим при нем князю В. Ф. Одоевскому и А. П. Заблоцкому-Десятовскому составить „Сельское чтение“».²

Установки «Сельского чтения» — это и есть установки министерства государственных имуществ. Повышение уровня сельскохозяйственных знаний крестьянства, улучшение домоводства и распространение сведений, «полезных в быту» крестьянина, борьба с разоряющими пороками — прежде всего с ленью и пьянством, возбуждение доверия к власти и преданности царю при скрытой оппозиции крепостному праву, все это на почве

¹ См.: Там же, с. 483.

² Мельников П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк. — В кн.: Даль В. И. Полн. собр. соч., СПб., 1897, т. I, с. XIV. Советский исследователь на основе архивных материалов указывает, что «на заседании Ученого комитета (министерства государственных имуществ. — Б. Б.) по предложению Одоевского было принято решение издавать для русских поселян несколько книжек в год под названием „Сельское чтение“» (Тарасов Д. Ф. Народные и учебные книги В. Ф. Одоевского. — Уч. зап. Коломенского гос. пед. ин-та, 1961, т. V, с. 78). Отмечу, что «Сельское чтение» печаталось в типографии министерства государственных имуществ и распространялось в значительной степени через его аппарат. Белинский сообщает, что из общего тиража двух первых изданий 1-й книги «Сельского чтения» в 9000 экземпляров «4000 было взято Министерством государственных имуществ» (VIII, 139). В архиве Одоевского (в Гос. Публичной б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) хранится его «Предварительное объяснение о ручной книжке для крестьян, которая бы в небольшом объеме содержала изложение важнейших обязанностей селянина, — во исполнение предписания Господина Министра» (Опись 1, переплет 87, № 9).

укрепления религии и нравственности, — такова, как мы видели, программа «Сельского чтения», полностью реализующая пожелания Киселева.

Второй, не менее активный, чем Одоевский, издатель «Сельского чтения», А. П. Заблоцкий-Десятовский, так же типичен для круга людей, против которых направлено стихотворение Некрасова, — круга барственных и сановных либералов, филантропов и «просветителей» народа. Он тоже либерал в генеральском чине (к 1853 году — действительный статский советник), из старинного дворянского рода, активный сторонник реформ, трудолюбивый автор поучительных книжек для народного чтения и филантроп-благотворитель. В последнем качестве Заблоцкий, правда, особенно проявил себя уже после написания «Филантропа».¹

А. П. Заблоцкий-Десятовский — выдающийся деятель антикрепостнического движения 30—40-х годов. Ему принадлежит один из самых замечательных документов николаевской эпохи, направленных против крепостного права, — записка «О крепостном состоянии в России», составленная в 1841 году по поручению Киселева для подачи царю, но не поданная из-за ее резкости и напечатанная лишь в 1882 году.² Однако осуждая крепостное право последовательно и решительно, Заблоцкий рекомендует меры для его устранения лишь очень осторожные и постепенные, в духе киселевских проектов, и, разумеется, предпочитает сохранение крепостнических порядков любым переменам революционного характера.

В советской историографии имя А. П. Заблоцкого привлекает все большее внимание как имя вождя школы экономистов-либералов, доказывавших несостоятельность крепостного права и необходимость его ликвидации. В «Истории русской экономической мысли», издаваемой Институтом экономики Академии наук СССР, читаем: «Экономическую программу дворянского либерализма наиболее полно и развернуто обосновала группа экономистов министерства государственных имуществ, возглавлявшаяся А. П. Заблоцким-Десятовским. (...)»

¹ В 60-е годы он был одним из инициаторов и председателем Литературного фонда, в 70-е — инициатором и председателем «Общества вспоможения бедным» в приходе Андреевского собора на Васильевском острове.

² В четвертом томе монографии А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (СПб., 1882).

Дальнейшее сохранение крепостнического строя Заблоцкий-Десятовский признавал невыгодным для общества. По его обоснованному заключению, крепостной труд менее производителен, нежели вольнонаемный. <...> В произведениях Заблоцкого-Десятовского уделялось много внимания доказательству отрицательного влияния крепостного права на качество, производительность труда, на возникновение и рост капиталов в стране, на развитие промышленности и торговли. <...> Следует отметить, что либеральные экономисты не ограничивались только общими рассуждениями о крестьянской земельной собственности, а собирали статистические данные о крестьянских земельных наделах, производили исследования бюджета крестьянской семьи и даже определяли, сколько земли и сколько скота необходимо для безбедного существования средней крестьянской семьи. <...> Публиковавшиеся в «Журнале министерства государственных имуществ» расчеты и выводы либеральных экономистов приобретали значение прямого осуждения всей существовавшей тогда крепостнической системы хозяйства <...>. При оценке экономических взглядов либерального дворянства и их проектов решения аграрного вопроса следует обязательно учитывать, что во второй четверти XIX в. царское правительство все еще откладывало решение крестьянского вопроса до более далеких времен <...>, в 40-х годах все еще преобладала крепостническая, а не либеральная концепция. В этих условиях нельзя не подчеркнуть прогрессивного значения антикрепостнических идей Заблоцкого-Десятовского и его единомышленников». ¹

По-видимому, Заблоцкий в своем понимании общественных отношений и будущего России был прогрессивнее и дальновиднее Киселева. Некоторые советские исследователи характеризуют его не как дворянского, а как буржуазного либерала, ² другие отмечают его сочувствие капиталистическому развитию России. Но подобные тенденции не мешали ему идти рука об руку

¹ История русской экономической мысли. М., 1958, т. 1, ч. 2, с. 245—249.

² См.: Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та. Серия филологических наук, вып. 11. Л., 1941, с. 63—65 (речь идет о влиянии Заблоцкого-Десятовского на кружок Майковых, в частности на Гончарова); Оксман Ю. Г. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. — В его кн.: От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, с. 213—214.

с Киселевым — бесспорным представителем дворянского либерализма. Стремясь к капиталистическому развитию России, экономисты типа Заблоцкого не порывали при этом с интересами дворянства: они полагали, что русская буржуазия образуется, в основном, из помещиков, и были убеждены, что вольнонаемный труд в сельском хозяйстве будет приносить помещикам большие доходы, чем крепостной, повысив производительность труда и содействуя установлению более твердых цен на хлеб. Доказательству последней мысли посвящена статья Заблоцкого «Причины колебания цен на хлеб в России», напечатанная в «Отечественных записках» 1847 года и отнесенная Белинским к «замечательнейшим явлениям нашей ученой литературы» этого года (X, 354).

Статья эта находится в преемственной связи со статьей К. С. Веселовского «О ценах на хлеб в России», напечатанной в «Журнале Министерства государственных имуществ» 1845 года. К. С. Веселовский, которого академическая «История русской экономической мысли» выделяет рядом с Заблоцким как виднейшего экономиста министерства государственных имуществ, занимался не только проблемами, связанными с крестьянским вопросом; в своей статье «Статистика недвижимых имуществ в С.-Петербурге», напечатанной в «Отечественных записках» 1848 года, Веселовский дает описание ужасных, нищенских бытовых условий жизни рабочего класса исходя из собственных наблюдений убогих жилищ петербургских рабочих.

В. М. Штейн в своей интересной, хотя и спорной, книге «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков» говорит о группе экономистов-просветителей 40-х годов, которые «определили новое лицо русской политической экономии», признав «внутреннюю порочность крепостного режима»; к этой группе он относит экономистов министерства государственных имуществ — А. П. Заблоцкого, К. С. Веселовского, Я. А. Соловьева, а также В. Н. Майкова, В. А. Милютина, Д. П. Журавского.¹

Мы, естественно, не будем решать здесь вопрос, правомерно ли объединять в одну группу либерально-дворянских и таких либерально-буржуазных, притом

¹ Штейн В. М. Очерки развития русской экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948, с. 69—70, 102—104.

с колебаниями в сторону демократической мысли, просветителей, как В. Н. Майков и В. А. Милютин. Советские исследователи отмечают, во всяком случае, что В. Н. Майков «боялся революции и видел в реформе единственный способ расширения социально-экономических задач, а в соответствии с этим — и единственно возможный путь отмены крепостного права»,¹ «в имущественном неравенстве видел необходимый стимул экономического развития общества»,² особенно интересуясь проблемой пауперизма, «выступил с собственным филантропически-утопическим планом устранения нищеты при сохранении фундамента буржуазного общества — частной собственности на средства производства».³ В учении В. А. Милютина отмечается «отрицательное отношение к активности народных масс и вообще к революционным методам разрешения общественных противоречий»,⁴ надежды на «просвещенное правительство» и на его «образованных деятелей»,⁵ на ликвидацию пауперизма и других бед капитализма путем «установления какой-то мифической общности интересов между капиталом и трудом».⁶ Эти мотивы, во всяком случае, сближают Милютина и Майкова с другими либеральными экономистами 40-х годов.

Названные В. М. Штейном экономисты — все это профессиональные статистики, во главе с Д. П. Журавским — «крупнейшим статистиком середины XIX столетия, которым поистине может гордиться наша Родина»,⁷ автором проектов освобождения крестьян и активнейшим филантропом, тратившим все свои скромные сбережения на выкуп крепостных людей из неволи.

В 40-е годы русские либеральные экономисты более всего стремились к конкретному исследованию экономического положения народа, считая основной базой

¹ Мартыновская В. С. Буржуазные идеологи 30—40-х годов.— В кн.: История русской экономической мысли. М., 1958, т. 1, ч. 2, с. 265.

² Кийко Е. И. В. Н. Майков.— В кн.: История русской критики. М.— Л., 1958, т. 1, с. 432.

³ Мартыновская В. С. Указ. ст., с. 268.

⁴ Блюмин И. Экономические воззрения В. А. Милютина.— В кн.: Милютин В. А. Избранные произведения. М., 1946, с. 36.

⁵ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949, с. 194.

⁶ Блюмин И. Указ. ст., с. 34.

⁷ Птуха М. В. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М. 1951, с. 54.

для объективных суждений об этом положении данные статистики. Под словом «статистика» понимали при этом «не один только подбор бездушных чисел, не одну количественную статистику, но и описательную, или качественную, то есть все соизмеримые стихии общественной жизни»,¹ как сказано в докладной записке 1845 года (вероятно, писанной В. И. Далем) «Об основании Русского географо-статистического общества» (утвержденного под названием Императорского русского географического общества). Естественно, что при подобном понимании статистики она сливалась с этнографией. В словоупотреблении того времени «статистика» и «этнография» имеют синонимическое значение. «В деятельности Русского географического общества, — пишет историк русской статистики, — (...) география, этнография и статистика довольно долгое время переплетались причудливым образом».² Можно сказать, что экономическая география, статистика и этнография мыслились как единый комплекс народоведения и что активная работа в этой области была связана с антикрепостнической идеологией.

Либеральные народоведы стремились подорвать позиции крепостников конкретными и напрашивающимися на обобщение фактами, в то же время бронируясь от цензуры объективностью и научностью своих статистических и этнографических исследований и даже выполняя эти исследования на казенный счет и по поручению казенных учреждений.

Реакционеры это хорошо понимали. П. П. Семенов-Тянь-Шанский осторожно пишет в официальном издании о тогдашней статистике: «Специальных статистических органов, кроме небольших статистических отделений в министерствах внутренних дел и государственных имуществ, не существовало. На исследования и объяснения явлений национальной экономической и общественной жизни органы администрации, и в особенности цензурные, смотрели даже несколько подозрительно».³

¹ Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946, с. 33.

² Птуха М. В. Указ. соч., с. 19.

³ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845—1895. СПб., 1896, ч. 1, с. 40—41.

Министерство внутренних дел недаром названо здесь рядом с министерством государственных имуществ. При министре Перовском оно тоже стало приобретать репутацию либерального министерства. «Примерно с середины 1842 года, — пишет Ю. Г. Оксман, — вскоре после крушения в Государственном совете проекта коренных реформ крепостных отношений, над которым в течение нескольких лет работал, по личному заданию Николая I, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, главным штабом по подготовке освобождения крестьян становится министерство внутренних дел. Новый шеф этого министерства Л. А. Перовский, в молодости член подпольных декабристских организаций — «Военного общества» и «Союза благоденствия», пользовался репутацией активного антикрепостника, человека независимого и исключительно энергичного. С конца 1842 года в Особенной канцелярии министерства внутренних дел, руководимой В. И. Далем, начинается собрание и разработка материалов о положении «дворовых людей, как составляющих домашнюю прислугу помещиков, так и обслуживающих ремесленные и фабрично-заводские предприятия, а равно и частных лиц». В этой же Особенной канцелярии шла подготовка законопроектов, о масштабе которых мы можем судить хотя бы по докладной записке Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России», представленной Николаю I в 1845 г. (...) О ненависти к Перовскому в реакционных помещичьих кругах красноречиво свидетельствует и одно из позднейших секретных донесений Булгарина на имя начальника III Отделения: „В Москве появилась карикатура — идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другою — на плечо Киселева“».¹

Помимо Особенной канцелярии, руководимой Далем, центром либерализма в этом министерстве был хозяйственный департамент, директором которого был один из главных будущих деятелей крестьянской реформы Н. А. Милютин. В этом департаменте еще в 30-е годы, до основания министерства государственных имуществ, служили и Одоевский с Заблоцким. Мемуаристы указывают на В. И. Даля, Н. А. Милютину

¹ Оксман Ю. Г. И. С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел. — Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, т. LVI, 1957, с. 176.

и Н. И. Надеждина — редактора «Журнала Министерства внутренних дел» — как на чиновников, наиболее приближенных к министру.¹

В работах дореволюционных и советских авторов Далю этой поры часто приписываются реакционные взгляды. Думается, что причиной этого являются: 1) перенесение более поздних взглядов и высказываний Даля на эпоху 40-х годов, 2) недоучет общей направленности и смысла народоведения той эпохи, 3) неразработанность материалов, освещающих позицию Даля как крупного и влиятельного чиновника, 4) недостаточно четкое представление исследователей о пограничной линии между реакционерами и умеренными либералами того времени.

Среди либеральных чиновников обоих названных министерств имелись выдающиеся ученые: экономисты-статистики и этнографы. Большой победой либеральных народоведов было основание в 1845 году Русского географического общества.

Организация общества произошла в квартире Даля; среди нескольких членов-учредителей — В. Ф. Одоевский, «самый близкий» человек к Далю в эту пору,² А. И. Левшин — председатель Ученого комитета министерства государственных имуществ, впоследствии видный деятель крестьянской реформы, К. И. Арсеньев — либеральный профессор, удаленный еще при Александре I из университета за издание «крамольного» учебника статистики России, а в эту пору — начальник статистического отделения министерства внутренних дел. Разрешение царя на основание общества и отпуск средств из казны на его исследования выхлопотал Л. А. Перов-

¹ «Даль и Надеждин, — пишет П. И. Мельников-Печерский, — вели самые важные дела в министерстве под личным руководством самого министра, вели их весьма нередко помимо подлежащих департаментов. Мне самому, перед отъездом в одну командировку, случилось выслушать такое приказание графа Перовского: „О прямой цели поручения никому ни слова не говорите, кроме Даля, Надеждина и Милютина“» (М е л ь н и к о в П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк. — В кн.: Даль В. И. Полн. собр. соч. СПб., М., 1897, т. 1, с. LII—LIII). О влиянии и значении в министерстве В. И. Даля и Н. А. Милютина см. также в «Поздних воспоминаниях» А. Д. Шумахера («Вестник Европы», 1899, № 3, с. 121—127).

² М е л ь н и к о в П. И. Указ. соч., с. XXXVII. В архиве В. Ф. Одоевского в Гос. Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина хранится написанный его рукой «Временный устав Русского географического общества».

ский — первый почетный член общества и — одно время — его председатель. К 50-м годам, как видно из истории общества и мемуаров, наиболее влиятельными членами общества, фактическими руководителями отделений этнографии и статистики были Н. А., В. А. и Д. А. Милютины, Н. И. Надеждин, В. И. Даль, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. С. Веселовский, К. Д. Кавелин. В отделении этнографии председательствовал Н. И. Надеждин, в отделении статистики — Заблоцкий (при помощнике председателя К. С. Веселовском и секретаре В. А. Милютине). Все эти деятели, по словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, «жаждали не только сближения с русским народом и изучения его быта и национальных особенностей, но и освобождения его от крепостной зависимости» и поэтому «обратили усиленное внимание на изучение русского народного быта и аграрных отношений между помещиками и крестьянами».¹

В 1847 году общество разослало во все губернии свыше семи тысяч экземпляров программы собирания этнографических сведений, составленной Н. И. Надеждиным. Приводимые в книге Л. С. Берга пункты, исключенные в корректуре этой программы, показывают, в какую сторону были направлены этнографические интересы общества. Надеждин пытался получить ответы на вопросы о том, как раскладывается и выполняется барщина, какую часть крестьянского бюджета составляет оброк помещику и т. п.² Значение этих вопросов ясно без комментариев.

Любопытно также, что «начиная с 1847 г. в Отделении статистики неоднократно возникал вопрос об углубленном изучении положения рабочих в России».³

Русское географическое общество (в особенности отделение этнографии и статистики) было цитаделью либерализма 40-х годов, но включало и более «левые» элементы. Историк Географического общества перечисляет следующих членов его, «замешанных в деле

¹ Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Пб., 1915, т. 3, с. 13, 17.

² См.: Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М., 1963.

³ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1959, т. 2, с. 71.

петрашевцев: Н. А. Спешнев, А. И. Европеус, Н. С. Кашкин, П. А. Кузьмин, В. А. Милютин, П. П. Семенов, А. П. Баласогло, Н. Н. Колошин и В. И. Романович».¹

6

Репутацией «либеральных» пользовались в 40-е годы и некоторые великосветские салоны: таким был в особенности двор великой княгини Елены Павловны, поддерживавшей дружеские отношения с П. Д. Киселевым, В. Ф. Одоевским, Н. А. Милютиним и другими видными либералами. Более широкий круг имел возможность постоянного общения на многолюдных «четвергах» Даля, «субботах» Одоевского и других еженедельных сборищах, посещаемых литературной, научной и чиновной интеллигенцией Петербурга 40-х годов.

Одним из центров петербургского либерализма конца 40-х — начала 50-х годов было и «Общество посещения бедных». Характеристика его в цитированных выше комментариях К. И. Чуковского к «Филантропу» как чисто аристократического, великосветского общества — неверна. Нам известны три печатных списка членов «Общества посещения бедных» — за 1847,² 1850³ и 1852 годы.⁴ Эти списки свидетельствуют о том, что Общество было смешанным по своему социальному составу: были в нем и князья, и графы, но они отнюдь не составляли большинства. Много было чиновников — в особенности из министерства государственных имуществ и министерства внутренних дел. В Обществе участвовал ряд членов Русского географического общества. В особенности интересно участие в Обществе многих писателей, из которых отметим прежде всего самого автора «Филантропа», значащегося в списке 1852 года, то есть незадолго до написания этой сатиры.

В Общество входила значительная часть петербургского окружения Белинского и Некрасова, ряд писателей «натуральной школы», сотрудников «Современника». В списках мы находим имена П. В. Анненкова, В. П. Гаевского, Е. П. Гребенки, А. В. Дружинина,

¹ Вальская Б. А. Первые попытки описания России Географическим обществом. — «Вопросы географии», сб. 31, М., 1963, с. 135.

² «С.-Петербургские ведомости», 1847, № 195.

³ Список гг. членов Общества посещения бедных. 1-го мая 1850 года. СПб., 1850, 15 с.

⁴ «Русский архив», 1869, № 6, стлб. 1039—1046.

В. Р. Зотова, А. А. Краевского, М. Н. Лонгинова, А. В. Никитенко, И. И. Панаева, В. А. Соллогуба, А. Н. Струговщикова, И. С. Тургенева. Любопытно отметить, что более половины участников «Петербургского сборника», изданного Некрасовым в 1846 году, были членами «Общества посещения бедных». Входили в Общество и люди, не участвовавшие в литературной жизни, но лично близкие к кругу Белинского: А. А. Комаров, А. С. Комаров, В. А. Косиковский, Н. А. Краснокутский, И. И. Маслов, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков.¹

Участие Некрасова в «Обществе посещения бедных» не является нашим открытием. О нем упоминается в основном мемуарном источнике по истории общества — «Записках» В. А. Инсарского.² Оно отмечено в единственном биографическом справочнике по Некрасову³ — со ссылкой на список 1852 года. Тем не менее о нем не упоминает ни К. И. Чуковский в своих комментариях к «Филантропу», ни другие авторы, писавшие об этом произведении или о жизни Некрасова в данный период. Между тем вряд ли правомерно игнорировать этот факт. Судьба рано столкнула Некрасова с жизнью петербургской бедноты и, раскрыв перед ним «бездны темные насилия и зла, труда и голода», дала ему возможность стать певцом «печальных бедняков, рожденных для труда, страданья и оков». Но с изменением материального положения Некрасова непосредственный контакт с петербургской беднотой был разомкнут, прямых и естественных возможностей общения с ней больше не было. Став членом-посетителем

¹ К. И. Чуковский односторонне изображает и отношение тогдашней печати к «Обществу посещения бедных»: «В обывательской журналистике того времени было принято восхвалять это общество в гиперболическом тоне» (I, 546). Но вот отзыв из фельетона петрашевца А. Н. Плещеева: «Роман г. Гончарова («Обыкновенная история». — Б. Б.) весьма интересен; но отчет «Общества посещения бедных» еще интереснее. Мы особенно порадовались этому призыву к целой массе публики; мы рады всякому соединению, особенно соединению на доброе дело (...). Распоряжения Общества при раздаче вспоможений превосходны и показывают необязанную филантропию, глубоко понявшую свое назначение» («С.-Петербургские ведомости», 1847, № 81. Цит. по кн.: Фельетоны сороковых годов. Ред. Ю. Г. Оксмана. М.—Л., 1930, с. 193).

² И н с а р с к и й В. А. Записки. СПб., 1898, ч. 2, с. 293. В. А. Инсарский — видный чиновник министерства государственных имуществ, деятельный член-распорядитель «Общества посещения бедных».

³ А ш у к и н Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., 1935, с. 120.

«Общества посещения бедных», Некрасов получил новые возможности наблюдений над жизнью обитателей «петербургских углов». Вероятно, эти наблюдения сказались и в его творчестве, — например, в стихотворении «В больнице», где описано посещение автором бедняка, умирающего в больнице, а по первоначальному тексту — в «мрачном подвале». С другой стороны, здесь, в «Обществе посещения бедных», Некрасов впервые познакомился с представителями «высшего общества», ставшего в дальнейшем постоянной мишенью его сатиры.

Зная списки членов «Общества посещения бедных» лишь за три года из девяти (оно существовало с 1846 до 1855 года), мы, очевидно, не обладаем полными данными о составе общества, тем более что этот состав, видимо, был достаточно текучим. В мемуарах встречаются указания на лиц, не обозначенных в трех списках. Особенно интересно указание В. А. Инсарского на участие в обществе А. П. Заблоцкого-Десятовского.¹ В фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранилось несколько печатных избирательных бюллетеней общества, вероятно поступивших туда с бумагами Одоевского. Они содержат ряд имен, не вошедших в известные нам списки. Между ними особенно любопытны имена В. А. Милютина и будущего видного деятеля польского восстания Иосафата Огризко.² Среди этих бюллетеней сохранился и тот, по которому баллотировался в общество Некрасов. На этом бюллетене имеется карандашная пометка сверху: «Изб. 26 марта 1851». Таким образом устанавливается дата вступления Некрасова в Общество. Кандидатура Некрасова была предложена М. Н. Лонгиновым, З. Н. Мухортовым³ и М. А. Языковым.

В связи с тем, что в Общество входил ряд видных лиц либерального толка, естественно встает вопрос: каков же был удельный вес этой группы? Может быть,

¹ Инсарский В. А. Указ. соч., ч. 1, с. 200.

² Интересны также имена П. Г. Редкина, А. Д. Улыбышева, Г. А. Кушелева-Безбородко, С. Д. Полторацкого, Александра и Владимира Карамзинных и др.

³ З. Н. Мухортов — агроном, впоследствии вице-президент Вольного экономического общества. Он дважды упоминается в коллективном (Некрасова, Тургенева и Дружинина) «Послании к Лонгинову» (1854), где назван и ряд других членов «Общества посещения бедных».

они тонули в массе аристократов, бюрократов, офицеров, промышленников и т. д.? Чтобы разобраться в этом, скажем несколько слов о структуре общества.

В нем, судя по известным нам спискам, одновременно состояло обычно около полтора ста членов-посетителей, но на ход дел они имели мало влияния: дела Общества решались, в основном, «распорядительным собранием», то есть десятком членов-распорядителей. Прием в Общество не был открыт для всех желающих; кандидаты баллотировались общим собранием; но для того, чтобы получить право баллотироваться, надо было иметь рекомендации трех членов общества; во всех известных нам случаях это были рекомендации членов-распорядителей. До общего собрания кандидаты подвергались еще «предварительному рассмотрению» в «распорядительном собрании».

По словам В. А. Инсарского, «огромное число членов-посетителей смотрело на членов-распорядителей как на людей избранных и власть имеющих и находилось под несомненным влиянием Распорядительного собрания».¹

Всем этим обеспечивался полный контроль «распорядительного собрания» над составом, характером и направлением деятельности общества.

Кто же входил в число членов-распорядителей, определявших лицо Общества и направление его деятельности? Среди них мы видим Соллогуба, Никитенко, Панаева, Краевского, Маслова, Лонгинова — лиц, хорошо известных истории литературы, — и таких людей, как князь Д. А. Оболенский, личный друг Н. А. Милютина и великой княгини Елены Павловны, человек, не чуждый литературе, встречавшийся с Некрасовым, или Д. П. Хрущов, о котором Инсарский говорит как об особенно влиятельном лице в «Обществе посещения бедных», «могущественнейшем члене Распорядительного собрания».² Охарактеризуем вкратце эту личность. Блестящий молодой бюрократ, генерал (действительный статский советник) в тридцать пять лет, любимец Киселева, в эту пору — управляющий Петербургской палатой государственных имуществ, а вскоре — товарищ министра государственных имуществ. Камергер импе-

¹ Инсарский В. А. Общество посещения бедных. — «Русский архив», 1869, № 6, стлб. 1010.

² Там же, стлб. 1009.

раторского двора. Близкий личный друг великой княгини Елены Павловны. Убежденный филантроп, основательно занимающийся благотворительностью. Лишь за несколько месяцев до написания сатиры Некрасова — в декабре 1852 года — в «Современнике» была напечатана статья Д. П. Хрущова «Благотворительные заведения в Лондоне» — подробное описание общественных прачечных, рабочих бань, семейных квартир и тому подобных благотворительных учреждений, специально и тщательно изученных им в Лондоне. Корреспондент герценовского «Колокола». ¹ Составитель и издатель (за границей) не утративших и поныне исторического значения «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России». Последние годы жизни (он умер в 1864 году) был сенатором, как и Одоевский. Это тоже яркий представитель того круга людей, который имеет в виду Некрасов в «Филантропе».

Текущими делами Общества распоряжались председатель его В. Ф. Одоевский и секретарь-казначей Н. С. Кирилов.

Н. С. Кирилов давно попал в сферу внимания истории русской общественной мысли в качестве издателя «Карманного словаря иностранных слов», составленного в основном М. В. Петрашевским и В. Н. Майковым. Но характерно, что даже в специальных статьях, посвященных «Карманному словарю», нет упоминаний о деятельности Кирилова в «Обществе посещения бедных». ² И не потому, что этот факт был неизвестен. Еще В. И. Семевский в своей книге о петрашевцах указал, со ссылкой на мемуары В. Р. Зотова: «Кирилов, кроме того, состоял секретарем «Общества посещения бедных», председателем которого был довольно известный писатель кн. Вл. Фед. Одоевский». ³ Но исследователями истории русской общественности «Общество посещения бедных» до такой степени не замечено, что, тщательно

¹ См.: Клевенский М. М. Герцен-издатель и его сотрудники. — «Лит. наследство», М., 1941, т. 41—42, с. 613.

² См.: Малеев А. И. и Берков П. Н. Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова. — Труды Института книги, документа и письма. III. Статьи по истории энциклопедий (ч. 2). Л., 1934; Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. М., 1959, с. 372—384.

³ Семевский В. И. М. В. Бугашевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922, ч. 1, с. 58—59.

собрал скудные сведения о Кирилове, они не считали нужным даже упомянуть о его работе в этом Обществе, не придавая ей никакого значения. В свете того, что сказано выше о составе «Общества посещения бедных», центральное положение Кирилова в этом Обществе заставит, может быть, пересмотреть обычный взгляд на него как на тупицу-офицера, никак не связанного с передовыми кругами общества и не имевшего понятия о том, что он случайно выпустил в свет.

7

Можно, таким образом, указать ряд очагов чиновничьего и даже сановного либерализма в учреждениях, обществах и салонах Петербурга 40-х годов, можно наметить довольно значительный круг видных чиновных либералов. Люди этого круга, происходившие, как правило, из «хороших семейств» — старых культурных дворянских родов, — отлично образованные и воспитанные, заметно отличались от того обычного круга петербургских чиновников разных рангов, который так усердно описывался тогдашней литературой. Верхушка этого круга принадлежала к «большому свету», к придворному обществу, видные представители его были связаны с литературой и наукой, наиболее «левые» соприкасались с петрашевцами.

Положение этих людей было двойственным, что определялось прежде всего отношением к ним их коронованного повелителя.

Николай I не выносил либерального духа. Но нельзя было даже подготовительные работы к освобождению крестьян поручить крепостникам, — значит, надо было терпеть либералов на этом участке высшего бюрократического аппарата.

Не все противники крепостного права были врагами монархии; чиновные либералы, о которых сейчас идет речь, были верны царю. Но все противники монархии были врагами крепостного права. Поэтому принадлежность к либеральному, антикрепостническому лагерю непременно внушала подозрение в политической неблагонадежности — подозрение, всемерно раздуваемое крепостниками, врагами каких бы то ни было реформ, людьми, которым царь доверял безусловно.

Третье отделение, в секретных отчетах сравнивая «крепостное состояние» с «пороховым погребом под

государством» и убеждая царя начать подготовку крестьянской реформы,¹ в то же время бдительно следило за толками об освобождении, занося в «неблагонадежные» тех, кто высказывал подобные стремления в печати, лекциях, письмах, разговорах. В частности, в крамоле изобличалось министерство государственных имуществ; так, во «всепоподаннейшем отчете» за 1841 год Бенкендорф инсинуирует (якобы со слов «публики»), «что учреждением сего министерства нарушена крепость основания российской монархии ко вреду самодержавия, что это — государство в государстве <...> — пример, вредный для крепостных людей; уважение дворянства к властям и крестьян к помещикам потрясено».²

Лично Киселеву, так же как и Перовскому, царь, видимо, доверял, несмотря на изъян в биографии каждого из них. «В блестящей и быстро развертывавшейся карьере Киселева, — пишет Н. М. Дружинин, — было одно расплывчатое и темное пятно — его заподозренные и невыясненные отношения с декабристами».³ Что до Перовского, он даже значился в «Алфавите членов бывших злоумышленных тайных обществ» — настольном справочнике Николая I.⁴

Вообще же чиновные либералы были у царя на постоянном подозрении и, в сущности, совмещали положение крупных и влиятельных чиновников с положением лиц не вполне легальных.

Эту ситуацию можно иллюстрировать колоритным эпизодом. При обыске по делу Петрашевского у В. А. Милютина была изъята рукопись записки А. П. Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России». П. П. Семенов-Тянь-Шанский описывает в своих воспоминаниях, какой переполох это вызвало в семье Милютиных — племянников П. Д. Киселева, боявшихся, чтобы обнаружение этой записки «не послужило к аресту многих лиц», и как все кончилось благополучно благодаря тому, что председатель «особенной комиссии для разбора всех бумаг арестованных лиц» А. Ф. Голицын, будучи «страстным любителем редких манускриптов», предпочел не сообщать членам

¹ Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. 1. М., 1931, с. 31—32.

² Там же, с. 44—45.

³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, с. 504.

⁴ Восстание декабристов. Материалы. Л., 1925, т. 8, с. 149.

комиссии об изъятой рукописи, а присвоил ее и присоединил к своей коллекции.¹ Таким образом, сочинение преуспевающего видного чиновника, любимца и друга министра, написанное по поручению министра для представления царю, могло, в зависимости от ситуации, трактоваться и как опасная нелегальщина, обнаружение которой могло грозить арестом не только автору, но «многим лицам».

Другой иллюстрацией своеобразного положения группы либеральных филантропов может служить запись в дневнике В. Ф. Одоевского от 9 марта 1862 года: «Я нечаянно узнал, чего мне в голову не приходило, что император Николай Павлович считал меня самым рьяным демагогом, весьма опасным, и в каждой истории (напр., Петрашевского) полагал, что я должен быть тут замешан».²

Такое отношение царя к людям типа Одоевского ярко сказалось и на судьбе созданного и руководимого Одоевским «Общества посещения бедных». Вот что рассказывает об этой судьбе близкий друг Одоевского, член-распорядитель общества Н. В. Путьята:

«Успехи общества, свидетельствуя о предпочтительном доверии к нему благотворительных лиц и публики, доставили ему также многих недоброжелателей и, странно сказать, возбудили зависть соперничества. Стали внушать, что под покровом благотворительности во многих обществах и прежде таились политические замыслы и заговоры; что трудно поверить, чтоб столько людей, большею частью занятых службою или имеющих иные обязанности, употребляли свое свободное время на отыскание и посещение бедных по разным трущобам в отдаленных кварталах столицы или просиживали до глубокой ночи в душной конторе, для распределения и раздачи им чужих денег и приискания к тому средств, единственно из какой-то человеколюбивой цели, без всякой задней мысли; что значительные средства, коими располагает Общество, не имея никаких основных капиталов, представляют также что-то загадочное и многое т. п. Февральская революция во Франции, учреждение там демократическо-социальной республики и народные волнения во многих столицах Европы подали повод усилить распускаемые про

¹ См.: Семенов - Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Пг., 1917, т. 1, с. 206—207.

² «Лит. наследство». М., 1935, т. 22—24, с. 146.

«Общество посещения бедных» слухи. Многие видели даже что-то угрожающее в том, что Общество имело у себя более 8 тысяч адресов бедных... Такие слухи, как бы ни были они ложны и нелепы, не остались без последствий. Общество было заподозрено. Над ним собирались тучи, и оно ожидало своего закрытия». Николай I, однако, ограничился тем, что в 1848 году поставил общество под бдительный контроль и мелочную опеку «Императорского человеколюбивого общества», которое «состояло из чиновников на государственной службе, получающих жалованье и награды, управлялось бюрократическим порядком и действовало в этом духе». «Человеколюбивое общество» стало упорно и планомерно душить «Общество посещения бедных», из которого, к тому же, приказано было выйти всем военным. «В один день выбыло из Общества более 70 человек, из коих многие были самыми ревностными и полезными его членами». ¹ «Мы, — пишет Инсарский, — оборванные, стесненные, обиженные, привязанные к мертвому трупу, именуемому «Императорским человеколюбивым обществом», с отвращением влачили свое тяжелое существование и не умирали потому только, что боялись собственным самоубийством разгневать грозного Николая». ² Окончательно захирев, общество было упразднено в 1855 году.

Состав «Общества посещения бедных» показывает неверность цитированного выше утверждения, будто бы «Филантроп» — «явная насмешка над этим обществом», в которое входил почти весь круг Белинского, в котором Некрасов и сам принимал участие, если не в пору создания стихотворения (даты выхода Некрасова из Общества мы пока не знаем), то, во всяком случае, незадолго до написания его. Но в этом Обществе Некрасов получил возможность наблюдать изображенных в его сатире чиновных либералов, филантропов и народолюбцев, обычно высокородных и светских, с «сиятельными» титулами и придворными званиями.

Стихотворение «Филантроп» показывает, что Некрасов в 1853 году относился к этому кругу людей не так, как Белинский и он сам в 40-е годы. Это не значит, что Некрасов изменил заветам Белинского —

¹ П у т я т а Н. Князь Владимир Федорович Одоевский и Общество посещения бедных просителей в Петербурге. — В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869, с. 19, 28.

² И н с а р с к и й В. А. Указ. соч., с. 276.

напротив, это значит, что он остался им верен, ибо сохранение прежних оценок в изменившихся исторических условиях называется эпигонством, а не верностью заветам.

Выше уже говорилось об отношении Белинского к Одоевскому, к его и Заблоцкого «Сельскому чтению». В работе Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ» не только фиксирована исключительно высокая оценка Белинским трудов Заблоцкого-Десятовского, но и придано большое значение «встречам и беседам Белинского с А. П. Заблоцким-Десятовским на самые острые политические темы» и доказано, что Белинский опирался «на материалы устной информации этого влиятельного и широко осведомленного бюрократа» в своих оценках деятельности П. Д. Киселева и его соратников.¹

Прозорливо понимая, что в тогдашней ситуации крестьянская революция не могла бы иметь шансов на успех (тема горячих споров Белинского с Бакуниным в Париже в 1847 году), и в то же время страстно стремясь к освобождению крестьян из-под власти помещиков, Белинский считал нужным поддерживать любые, даже недалеко идущие, стремления и усилия в этом направлении. Понимая, конечно, как далеки от его взглядов взгляды людей типа Одоевского и Заблоцкого, Белинский всегда оказывал им в печати полную поддержку. Стремясь поддержать силой общественного мнения антикрепостнические элементы в правительстве Николая I, Белинский шел даже на то, чтобы печатно хвалить правительство за обращение им «особенного внимания на положение и быт народа», за публикацию «статистических сведений, заключающих в себе драгоценные факты для изучения даже нравственного состояния быта и характера народа», в особенности за «учреждение Министерства государственных имуществ» (X, 366—367). Характерно, что эти похвалы мы находим в рецензии Белинского на очередную книжку «Сельского чтения», — рецензии, являющейся вообще одной из последних работ Белинского.

Идея подрыва крепостнической идеологии путем глубокого этнографического и статистического изучения жизни, положения и нужд народа, в первую оче-

¹ Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника», с. 211—214 и 240—241.

редь крепостного крестьянства, находила в Белинском несомненное сочувствие. Связь с этой идеей чувствуется в установках «натуральной школы». Вряд ли нужно оговаривать, что для Белинского, в системе его основных взглядов, эта идея имела гораздо более узкое значение, чем для Заблочного, или Журавского, или Надеждина, или Даля. Но ведь на уровне идей Белинское никто в тогдашней России не стоял, идейных соратников у него почти не было, и, стремясь к созданию широкого антикрепостнического фронта, он мог включать в программу этого фронта лишь то, что не отпугивало возможных его участников,— это с большой убедительностью показал Ю. Г. Оксман в своем анализе письма Белинского к Гоголю. Это характерно и для той пропаганды этнографического изучения России, которую Белинский ведет в 1844—1848 годах. В написанном им «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» с наибольшим пафосом выражается мысль о том, что «у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев и которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками» (VIII, 376—377). Характерна необычно высокая оценка Белинским в последние годы его жизни творчества Даля. «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе»,— пишет он о Дале в обзоре «Русская литература в 1845 году» (IX, 399), во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» объявляет выведенные Далем типы беспардонных кутил-офицеров «созданиями гениальными» (X, 348); в рецензии 1847 года называет «физиологические очерки» Даля «перлами современной русской литературы» (X, 83). Главным достоинством Даля, наряду с умением схватывать характерные черты различных групп народа, «лицо типическое сделать представителем сословия» (IX, 399), Белинский считает «деятельную, практическую любовь» к «простому русскому человеку» (X, 80) и глубокое знание его жизни: «Изо всех наших писателей, не исключая и Гоголя, он особен-

ное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей, знает, чем владимирский крестьянин отличается от тверского, и в отношении к оттенкам нравов, и в отношении к способам жизни и промыслам» (X, 260); «Г-н Даль — это живая статистика живого русского народонаселения» (X, 82).

Показ бесчеловечности и экономической несостоятельности крепостного права, с одной стороны, показ столичного пауперизма — с другой, особенно сближают «натуральную школу» с тенденциями, описанными выше.

Реакция 1848 года кардинально изменила ситуацию. Либералы, признавшие единственным путем ликвидации крепостного права отмену его «монаршею волей», немедленно отступились от всякой антикрепостнической деятельности, как только эта воля отвергла «эмансипацию». Более всего они старались теперь, чтобы их не притянули к ответу за недавние увлечения, ныне задним числом твердо признанные «заблуждениями». «В условиях усилившейся реакции внутри страны, — пишет советский исследователь истории русской экономической мысли, — либералы во главе с Заблоцким-Десятовским изменили тематику своих статистических исследований <...>. Сам Заблоцкий-Десятовский отказался от прежних выступлений против крепостников и, став редактором «Земледельческой газеты», занялся пропагандой идеи рационализации помещичьего хозяйства, основанного на крепостном труде. Некоторые статистики совершенно прекратили свою исследовательскую работу. К. С. Веселовский <...> вместо политической экономии стал заниматься анализом статистических данных о петербургской погоде и ее колебаний в течение многих лет».¹

¹ Каратаев Н. К. Русская экономическая мысль в период кризиса феодального хозяйства (40—60-е годы XIX века). М., 1967, с. 41. Сам К. С. Веселовский в позднейшем письме к И. И. Янжулу откровенно объяснил причину перемены специальности: «Когда за статью, напечатанную мною в 1848 году в «Отечественных записках» о «Статистике недвижимых имуществ в С.-Петербурге», я чуть было не подвергся административной ссылке в места не столь отдаленные обширного нашего отечества <...>, то, каюсь, не ощутил в себе охоты разыграть роль мученика за идеи и разом повернул на такие исследования, в которых можно было говорить безопасно всю правду, а именно на исследование климата России и его влияния на человека и его быт» (Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. Вып. 2. СПб., 1911, с. 75).

Какая паника охватила людей, причастных к кругу либералов, показывает поведение В. И. Даля. После перелома 1848 года он прекратил свои «четверги», на которых собирался цвет петербургской интеллигенции,¹ сжег свои многолетние записки и вскоре, можно сказать, бежал из столицы, где находился в центре административной, научной и литературной жизни, в Нижний Новгород, на скромную должность управляющего удельной конторой. Сожженные записки В. И. Даля П. И. Мельников-Печерский характеризует как «драгоценный материал для нашей истории 30-х и 40-х годов» и сообщает, что «впоследствии Даль часто жалел об их утрате, но всегда прибавлял: „В то тяжелое время поступить иначе мне было нельзя, я должен был беречь не себя, а министра; у него тогда было много врагов, стремившихся устранить его от государственной деятельности. Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича“».²

А сам Лев Алексеевич быстро раздул дело петрашевцев — с очевидной целью убедить царя в своей преданности ему и неповинности в либерализме.

Либералы, не занимавшие высоких постов или совсем не служившие, начали, по позднему выражению Щедрина, «годить». Такие люди, как Анненков или Боткин, которые не стояли на уровне идей Белинского, но все же составляли его ближайшее окружение, до последних дней были его интимными корреспондентами и собеседниками, теперь совершенно слиняли. Люди круга «Современника» увлекались гастрономией, чернокнижием, карточной игрой, незатейливыми похождениями... Ко всему этому Некрасов имел такое же отношение, как Дружинин, Боткин, Панаев или Лонгинов. Если судить по быту Некрасова, по его дружеским связям и времяпрепровождению, даже по составу авторов и характеру его журнала в эти годы, можно думать, что Некрасов вполне свой в этом кругу. Но у поэта есть область гораздо более глубокая и значимая, чем быт: это его поэзия. И поэзия Некрасова показывает, что в глубине его сознания совершается большой

¹ Очевидно, в это же время были ликвидированы «субботы» Одоевского. См. его «Письмо приятелю-помещику». — «Русский архив», 1879, т. 1, с. 525.

² Даль В. И. Полн. собр. соч. СПб., 1897, т. 1, с. LVIII.

сдвиг, назревает отчуждение от либерального круга, — отчуждение, которому еще не скоро, но обязательно суждено закончиться полным разрывом.

Отношение Некрасова к либералам еще не базируется на твердо осознанной общественно-политической платформе, но в его творческом воображении уже вырисовывается отрицательный тип либерала, первый абрис которого дан в «Филантропе». Начавшаяся переоценка пока захватывает круг либеральных бюрократов-народолюбцев, так позорно отступившихся и опустившихся в эпоху реакции, так ясно показавших жалкую негодность своего курса, своего политического и общественного поведения.

8

Сатирическое острие «Филантропа» направлено против либералов-благотворителей, проповедующих терпение и смирение; против писателей для народа, базирующихся на религиозно-монархической идеологии и обывательской морали; против мыслителей, стремящихся свет весь заново «к общей пользе изменить», — но лишь посредством моральных наставлений, утилитарных советов, добродетельных деяний и начальственных предписаний.

Некрасов избирает героем сатиры либерального и сиятельного сановника, знаменитого благотворителя, признанного народолюбца. И не потому Некрасов восстановил первоначальную характеристику этого героя в изданиях после 1856 года, что хотел уязвить и обидеть Одоевского, а потому, что в других редакциях раскрытие типа было неполным.

В следующем, 1854 году Некрасов пишет повесть «Тонкий человек», в которой зло высмеивает тип либерального «говоруна», любителя гуманистических бесед, бесконечно далекого от народа и относящегося к нему с высокомерным пренебрежением. Это, в сущности, та же «черта современного общества», которую Некрасов вывел в «Филантропе», но теперь речь идет уже не о либеральной бюрократии, а о круге людей, гораздо более близких Некрасову. Вспомним, что среди «говорунов» названы имена «Горновский» и «Лодкин», вряд ли случайно столь созвучные Грановскому и Боткину (см.: 6, 423).

Тип либерального говоруна («Как Сократ красноречив») и барина-псевдодемократа Некрасов впервые нащупывает в «Филантропе». Придуманый Некрасовым тип ярко разоблачал чисто внешний, показной характер демократизма либерального барина, о котором молва твердит, что,

Словно с равными беседея,
Он и с нищими учтив.

(I, 166)

Однако этот образ, видимо, не соответствовал характеру и манере поведения В. Ф. Одоевского. Первый опыт использования прототипа в сатире Некрасова не был вполне удачным в том отношении, что большое сходство героя с прототипом как бы заставляло приписывать последнему дурной поступок, в котором он, видимо, не был повинен. Против этого, как мы видели, и протестовал Одоевский. Это давало недоброхотам Некрасова возможность говорить о пасквиле, о том, что сатира «неблагородна и обидна».¹ Некрасов пренебрег этими попреками ради возможности рельефно выразить идею стихотворения. Успех «Филантропа», разумеется, ни в какой мере не был связан с наличием прототипа, который все более уходил в неизвестность, в то время как стихотворение становилось все более популярным.

Стремление дать образную характеристику и оценку барского «народолюбия» не завершилось в творчестве Некрасова созданием «Филантропа». В ближайшие годы Некрасов делает несколько набросков другого стихотворения, также посвященного «русским филантропам». В редакции, относящейся к 1855 году, стихотворение называется «Карета» и читается так:

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход

¹ «Поэт и гражданин», стих 51. Конечно, «гражданин», в уста которого вложена эта характеристика,— друг и почитатель «поэта»; но необходимость как можно строже оценить свое творчество (без чего вступительное стихотворение к сборнику могло бы быть воспринято как автопанегирик) заставила Некрасова повторить здесь отзывы своих недоброжелателей. Подробнее об этом — в моей статье «Заметки о текстах стихотворений Некрасова» (сб.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 248—254).

Или шатун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

(I, 412)

Тема эта получит свое завершение в конце первой части стихотворения «О погоде» (1859). Предшествуют же приведенному тексту «Кареты» два наброска, видимо еще не отпочковавшиеся от какого-то более обширного замысла. Первый набросок начинается словами:

Хотелось бы кой-что сказать и тем,
Которые о бедняках хлопочут...

Второй:

Хотелось бы и тем сказать словечко,
Которые жалеют бедняков.

(I, 505)

Для характеристики существеннейшей черты филантропов Некрасов находит выражение не сразу. «Те, которые о бедняках хлопочут», — это простое обозначение деятельности филантропов, не раскрывающее их сути. «Те, которые жалеют бедняков», — это еще неполное выражение той мысли, которая в третьей редакции выражается словами: «Вы непритворно любите народ». Что значат эти слова? Может быть, «непритворно» употреблено иронически вместо «притворно»? Такая ирония не только была бы аляповата для Некрасова, она просто обесмыслила бы стихотворение, сняв лежащее в основе его противопоставление. Нет, речь идет о людях, действительно жертвующих для бедняков и досугом, и деньгами и непритворно, неллицемерно считающих себя человеколюбцами, подлинными христианами. А гвозди на запятках карет не противоречат их филантропическим понятиям: гвозди эти охраняют те привилегии, сохранение которых и являлось главной пружиной либерально-филантропической деятельности. Эта филантропия ведь основана на идее законности социального неравенства всех видов, недаром Одоевский в «Русских ночах» считает, что идею равенства внушает человеку дьявол.¹ Карета и выезд для той эпохи — символ богатства и знатности.² Тот, кто не име-

¹ См.: Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975, с. 77.

² Ср. рассказ Некрасова «Карета» или стихотворение Добролюбова «Когда, среди зимы холодной...».

ет «наследственного» или «благоприобретенного» для покупки кареты, не должен претендовать на место даже на ее запятках. Одной из основных целей «Общества посещения бедных», по мысли его вдохновителя, было ограждение богатых благотворителей от «порочного нахальства» развращенных нищих. Гвозди на запятках так же ограждают от «порочного нахальства», как и изгнание пьяного просителя; стихотворение «Карета» выражает ту же идею, что и стихотворение «Филантроп».

Написанный в 1853 году, «Филантроп» был напечатан лишь в 1856-м, в преддверии новой эпохи. Крепостничество, указывает В. И. Ленин, «порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов».¹ Решение правительства отменить крепостное право ликвидировало и ту степень солидарности, которая еще могла существовать между демократами и либералами в качестве сторонников «эмансипации». Теперь вопрос стал уже не о том, быть или не быть крепостному праву, а о том, как будет проведено освобождение; теперь сказалась солидарность либералов с реакционерами в их стремлении провести отмену крепостного права безболезненно для материальных интересов помещиков; теперь одной из важнейших идеологических задач революционно-демократической пропаганды стала борьба с либералами. В эту пору стихотворение «Филантроп», вскрывающее «барство дикое» в либеральном гуманисте, пришлось как нельзя более кстати и недаром быстро приобрело популярность.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 305.